

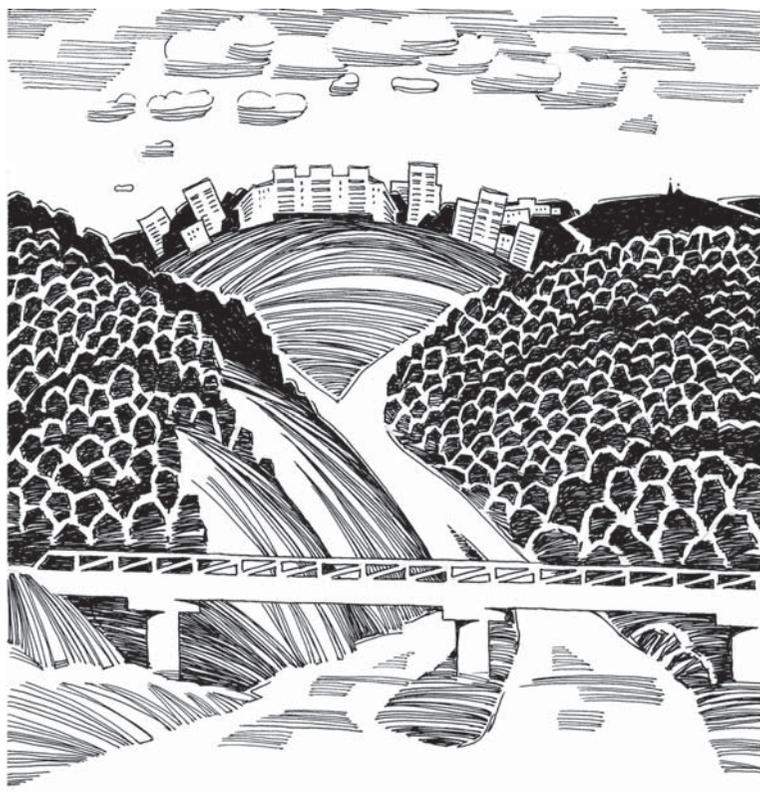
литературные
Россыпи

г. Саянск
2015 год

**Литературно-художественный
альманах**

45-летию Саянска посвящается

Хорошо в Саянске!
Не суетно!
Сосны воздух несут.
Уют.
Лес – вправо.
Лес – влево.
Суть города – молодость,
горсть домов на холме
и небо...

Литературно-художественный альманах. *45-летию Саянска посвящается* : Иркутск, 2015. – 180 с., ил.

Составитель и лит. редактор И. Аброскин

Художники: В. Кузнецов

А. Знаменский

Дизайн обложки Н. Половенко

Корректор Т. Григорьева

«Литературная среда» Саянска

Что такое город? Дома, проспекты, парки, улицы, улочки?.. Нет, не только. Понятие «город» гораздо шире. Каждый Город имеет свое лицо, свой характер, свой воздух. Я говорю именно о Городе с большой буквы, а не о спальне-ночлежке при каком-нибудь гигантском заводе, пусть даже и спальне со всеми удобствами. Город – это наш общий большой дом, это большой организм со своим характером и душой. Да, именно душой. Тело города – это его дома, переулки, дворы, скверы. А душа?.. С душой труднее. Она нарабатывается, взращивается, прилепляется, входит в Город ох как не быстро, непросто – молитвами, стихами, картинами, библиотеками, музеями. Трудом душ тысяч горожан образуется и прирастает душа Города. Трудом несуетным, не внешним, неброским, но от того не менее необходимым. И вот когда дома, проспекты, улицы соединяются с душой в единое целое, тогда и возникает Город – Город необычный, своеобразный, со своим лицом и воздухом. На это уходят годы и годы! Целые века! А Саянску всего-то сорок пять лет, душа его только-только, вот, на нашем веку, нами и формируется.

Когда-то давным-давно, еще в середине восьмидесятых годов прошлого века, в совсем еще юном Саянске-поселочке возникло «Литературное кафе». В нем собирались люди любящие литературу. Мы были молоды, заносчивы, мы имели дерзость ставить спектакли по Маяковскому, Есенину, Галичу, Светлову. Сами и сценаристы, и режиссеры, и артисты! И эти постановки собирали чуть ли не полный зал тогда единственного на весь городок клуба «Строитель». Народ шел на поэзию! Сегодня бывший «Строитель», отдав дань времени и побывавши ночным клубом с говорящим названием «Ев-

ропа», стоит бледным, обшарпанным, одиноким. И там, где когда-то над глыбой-Маяковским плыли грустные «Облака» Галича, сейчас застыла пустота в ожидании распродажи.

Шли годы. Помните? «Перестройка», «ускорение», бурное, противоречивое, спорное время. В Москве – в центре – миллионные тиражи «Нового мира», «Огонька», Тальков, Цой, Шевчук... Застольная песня «Поручик Голицын» в исполнении Малинина, вышибала слезу и вполне серьезно претендовала на гимн новой России. А у нас «Литературное кафе» сменил «Помост». В Саянск приезжали молодые авторы из Братска, Усолья-Сибирского, Ангарска, Усть-Илимска, Иркутска, сколачивался натуральный деревянный помост, и с него читались стихи. Потом «Помост» был в Братске, Иркутске. Канули в Лету бурные девяностые. Как быстро несется время! 10-го марта 2005 года создается литературное объединение «Литературная среда». В общем-то ничего нового не случилось. Суть «Литературного кафе», «Помоста», «Литературной среды» одна и та же – любовь к литературе, литературное и просто общение, читка, обсуждение собственных текстов, литературные вечера. И вот в канун десятилетия нашего «лито» я задаюсь вопросом:

– Да нужно ли это кому-нибудь, такое собрание местных «дурачков», пишущих и говорящих в рифму?

А вспомните старину! Тогда наши великие предки, первопроходцы, идя за Камень, в тяжелейшие походы, брали с собой баюнов – людей в деле ратном, строительном почти бесполезных. Но на привалах, когда варилась каша, когда отдыхало тело, – душа наполнилась сказами, былинами. А без души ни мост не перекинешь, ни избу не срубишь, ни город не построишь. Нет, и перекинуть, и срубить, и многоэтажки на холме рассыпать – можно. Только все это пустое, неуютное, механическое будет. Видели серую хрущобу с пустыми

глазницами? Вот таким и будет! Без души, без стихов жизнь неполная, а точнее – полная бессмыслица.

Вот мы и вернулись к Городу, к его душе, к тому, какое место занимает в нем «Литературная среда» в кавычках и без. Да, занимает, небольшое, но свое определенное место. Она, безусловно, необходима Городу Саянску, она часть его души.

А вообще российская поэзия мне представляется морем, которое полнится поэтическими росинками, капельками, ручейками, речушками, истекающими из многочисленных городов и деревень нашей огромной Родины. Представьте – чаша, а в нее с холма – строчки родников, изобилие водопадов, а где-то бьют, пульсируют чистейшие подземные источники! Бог даст, какая-то «капля» из «Литературного кафе», «Помоста», «Литературной среды» достигнет этого «моря» и пополнит его. Да ведь и пополнила уже! Стихи Остапенко, Кашицына... Дай Бог!

И. Аброскин

Участники «Литературного кафе», «Помоста»,
«Литературной среды»:

Маргарита Бердникова

Игорь Аброскин

<i>Нина Войновская</i>

<i>Татьяна Остапенко</i>

Александр Ильченко

Надежда Фадеева

Ирина Ходырева

Николай Морский

Марина Сорокина

<i>Вячеслав Мальцев</i>

Александра Галыга

<i>Александр Кашицын</i>

Олег Кузнецов

Надежда Антипкина

<i>Светлана Фрелина</i>

<i>Вадим Кикирев</i>

Александр Маркелов

Андрей Браев-Разневский

Виктор Шилов-Маналаки

Нина Розова

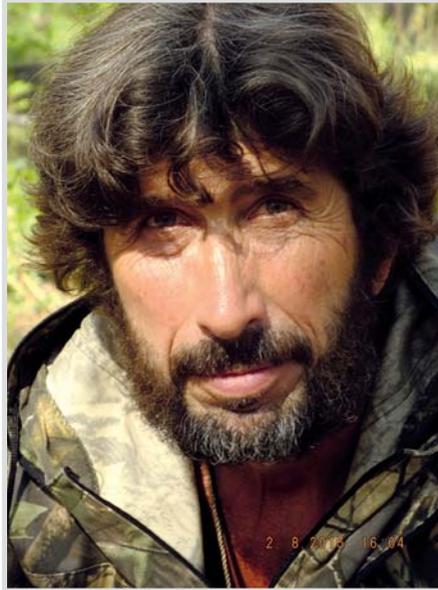
Надежда Елкина

Василий Дорбеко

Андрей Путинцев

Константин Максимов

ИГОРЬ АБРОСКИН

Родился в 1958 году в городе Баку. Окончил Днепропетровский университет. Служил в армии. Работал в «Оргхиме» при строительстве и пуске цехов «Саянскхимпрома» в эксплуатацию.

Игорь – один из создателей «Литературного кафе» в Саянске в восьмидесятые и неформального литературного объединения «Помост» на рубеже восьмидесятих–девяностых.

Он – автор большой подборки в иркутском альманахе «Стихи по кругу» (1990 г.), один из авторов юбилейных городских альманахов «Серебряный Саянск» (1995 г.) и «Саянск–2000», «Ковчег» (2009 г.), печатался в альманахе поэзии «Иркутское время».

Первый сборник стихов «Все?..» вышел в 1998 году.
Живет и работает в Саянске.

* * *

Я слышу,
как в тело города
тычутся мои стихи,
в ЭТОТ ХОЛМ,
эхом вспоротый,
где проспекты-просеки
перпендикулярят
со мною на ты.

А в Саянске
кожа улочек
в оспе ям.
Саянск!
Ты самый лучший!
Куда Куйтун и Уян
стекли стихами
и прозой,
где срез бревен
уперся в бетон
и звук по стеклу ползает,
ища колокольный звон?
Да колокола,
ложью меченны,
сеют благовест
сквозь сито мелких имен.
А по небу – путь Млечный,
а под небом – сосны беспечные,
«время колокольчиков» мечется
между ночью и днем,
между высью и дном.

* * *

Чуешь,
как дует ветер?
Он выдувает смысл.
Мне солнце под правую светит,
а слева – сумрак и свист.

Пятый этаж в бетоне,
работа с восьми,
все в бытовухе тонет.
Забудься. Усни...

Чушь и бабло.
Чуешь?
На перевале скулят черти,
а на станции Дно
сумерки гибель чертят!

Дно –
Это наше дно!
Всех – от младенца
до архиерея.
Но!
На плечо бревно –
и рассвет
костром алеет.
Взят перевал!
Взят.
В долине тихо.
Пик лавиной объят.
Спит.
Он озяб.
Ой, не буди лихо!

* * *

Туман из ненаписанных стихов
застыл неслышным одиночеством.
Мой бурелом, мой зов, мой вздох –
Все вздор!
Уж ничего не хочется.

Нет! Хочется!
Как хочется!
А вдруг прочтут,
услышат, примут,
войдут
в туман из ненаписанных стихов
и воспарят иль сгинут?!

* * *

Волчицей под пах
похмелье и водка.
Как пахнет река
с перерезанной глоткой?
Беда разлилась
и опухла потехой...
Я жив твоим млечным эхом,
убитая мной,
человеком,
вечная Ангара.

* * *

А в пойме плоско,
как перед расстрелом.

Небо – кусок доски.
Жухлые берега,
дух прелый.
Топором
отселяю
рассвет от тоски.

Тоски извечной
по невечному дню,
по теплу скоротечному,
по июлю и сентябрю

Тоски неизбывной.
Рассвет – только миг,
но все-таки был он
как выдох, как крик.

* * *

Последний глоток снес душу,
и ветер заплутал в запахах.
Я хочу Русь сделать сушей
для тонущих в Западе.
Я хочу дворником
осколки колокола
к паперти припереть!
Я хочу волоком
из себя волка выволочь!
Я хочу умереть
у реки предков,
впадающей в Дон!

Я хочу
зернышком,
веткой
уютиться,
обрести дом!

* * *

От донника налево
и там, недалеко,
душа в степи горела,
не грея никого.

Залив и небо слились
в белесой жаркой мгле,
и высь, и ил – все «или»,
все тонет в Ангаре.

Серпень

(август)

Серпень! Какой печальный и величественный месяц! Еще недавно день торжествовал над ночью, и жаркий, без дождинки июнь властвовал безраздельно, и казалось всеильным лето, и, казалось, так далеко до желтых прядей берез! А сегодня – вот они! Ныне особенно рано.

Куда торопится лето?

А куда торопишься ты?

В июне тревожишься – поднялась ли трава? В июле отбиваешь косы и молишься: не скосить бы под дождь. А потом сгребашь сено, радуясь жаре и духоте: успеть бы, успеть вывезти его сухим!

А сколько раз бывало так, что последний воз сена я ввозил под навес сеновала с первыми каплями дождя, переходящими в ливень! Илья... Илья Пророк на носу – холодный строгий старец с сеногнойными дождями, с долгими туманами.

И каждый день – как вспышка! И как ни коротка ночь на сеновале, но и ее гонишь, торопишь утро: скорее в завтра, в день, дай Бог, солнечный, трудный и радостный.

А ведь это здорово! А ведь это счастье, когда с нетерпением ждешь утра и не боишься его.

Следом за покосом покатали Спасы: 14 августа – медовый. Снимай «магазины» с ульев, отработала пчела, выпаривает последний нектар и зла, неприступна становится, а 19 августа – яблочный Спас. И третий Спас – ореховый. Это уже самый канун осени, 28 августа.

Грустный месяц август-серпень. Еще не надышался летом, а оно уже уходит. Сентябрь смиряет. Вересень – сентябрь – начало итогов.

Дары – да по труду. Живот зимы бездонен.

Как все скоротечно!

Уян – Усть-Када

Ездили с Олегом Н. и Володей Ф. (он водителем за рулем новехонькой «семерки») на рыбалку. С резиновой лодки кололи рыбу. Лодка – Вовина, фонарь и острога – Олега, руки на веслах – мои. Весь путь – 20 километров от Уяна до Усть-Кады, мимо Красного Яра. Закололи приблизительно девять килограммов рыбы (по три кило на брата). Мне при дележке досталась щучка весом кило двести, пара налимчиков грамм по семьсот и два средненьких харюзка.

Ночь была звездная, тихая, теплая, где-то плюс два градуса. Ближе к утру небо закрылось облаками, закружились крупные снежинки, но до серьезного снегопада дело не дошло. На веслах просидел с семи часов вечера до четырех утра, а это девять часов кряду! Пятая точка стала твер-

же пенопластовых седушек. Помогали держаться бодро и чутко галеты да два глотка дремучего семидесятиградусного самогона плюс горячий кофе. А было бы гораздо эффективнее кофе – в самогон. Нет, ошибся! Это перебор! Точнее, чуток самогона – в кофе, тогда сугрев был бы доходчивей. А, впрочем, на веслах особо и не мерзнешь! По неопытности дело доходило даже до пота, только ноги подстывали.

Упустили трех налимов. Один был особенно хорош, но больно шустр, ушел в глубь. В свете фар вся рыба имеет какой-то песчаный цвет. Налим, щука стоят на самом дне. Хариус – сантиметрах в тридцати-сорока от дна. И вот что интересно: налим не в глубоких илистых ямах, а на мелких (по колено) галечных плесах, а хариуса больше добыли в местах с песчаным дном, что несколько противоречит моим устоявшимся рыбацким представлениям.

Хариус стоит поодиночке, в небольших ямках. У каждого своя ямочка, углубление, лежбище. Заколешь одного, а дальше – пустыня. Плынешь... плынешь... Та же картина и с налимом. У Красного Яра налим пошустрее, более чуток, не догонишь: вильнет хвостом и медленно, вальяжно пошел в глубину. А у Уяна он поспокойнее, подпускает близко, покорно дожидаясь гибели. Может быть, там вода холоднее?

Река обмелела, успокоилась, подготовилась к зиме. Коегде забереги. И только в двух-трех местах вода быстра, упруга, неподатлива, там река говорлива и напоминает себя – своенравную, молодую, верховую, дерзкую.

Да, была чудесная, долгая, так неожиданно теплая для ноября ночь. Песчаного цвета в свете фонаря река, вальяжные и столь же песчаные налимы, чуткие, стоящие против течения, шевелящие плавниками, одинокие, и опять-таки песчаного цвета хариусы, и все это – в поисках прожора, добычи. И мы в том же поиске, парящие над рекой с фонарем и острогой. В уловах, в заливчиках сонная вода, отдаваясь легкому морозцу, прокалывалась дрожащими ледяными иглами и застывала

тончайшей хрупкой пленкой и только под веслами все подзвонивала, все похрустывала. А пред глазами, в упор, лоб в лоб стоял ковш Большой Медведицы. И мы шли прямо на него, в созвездие, между небом и рекой. И окоемом – лесистая, первобытная в ночи громада правого берега да редкие и резкие огоньки Красного Яра по левому, плоско-сиротливому бережку, да ленивый, далеко стелющийся по реке собачий брех...

Нибиру – планета праотцов

Была маленькая, красивенькая, круглая, зелено-голубая планета Земля. Но тут (в каком – точно неизвестно, но обязательно 12-м году) прилетели к нам нибируйцы с планеты Нибиру. Ну и чем, подлецы, занялись? Вместо того, чтобы мирно вписываться в девственный пейзаж, беречь нашу флору и фауну, *эти* начали пользоваться наших невинных обезьянок, возникших строго по Дарвину, копать нашу землю на предмет золотишка. Потом на этой почве, корыстолюбивые, естественно, перессорились друг с другом, передрались, применяя ядерное оружие, а оставшиеся в живых дали деру на свою Нибиру.

И так нагадив, они убрались восвояси, а мы остались. Мы – это их потомки: мама-обезьянка, папка-пришелец. Вот два начала в нас, вот добро и зло в их единстве и противоречии. И добро в нас, если не все, то большая часть его, скорее всего от обезьянок, живших в гармонии с природой, а все гнусное, расчетливое, хищное, умственное – от папы-чужепланетянина, нибируйца, не к ночи помянутого!

Белая дорога

В нашей округе много заброшенных деревень. Возникшие в начале прошлого века, они почти все в прошлом веке и исчезли. Рождались эти поселения тяжело. Потом и кровью мужиков, баб, детишек полита эта раскорчеванная, отобран-

ная у тайги земля. А умирали деревеньки тихо, понуро, послушно. Одна из таких деревень – Владимировск: обширный, где-то пологий, а где и покруче косогор, сбегаящий с запада на восток к небольшой, когда-то полноводной, а сейчас обмелевшей, захиревшей речушке. Видны направления двух улиц, квадраты усадеб. Стоят живы-невредимы черемухи, рябины. Буйствует, гуляет по жирной, давно не рожавшей земле крапива – чудо-крапива, в человечесий рост. И над этой красивой, грустной пустошью оком высятся тайга. А рядом, метрах в трехстах, не заглядывая в деревеньку, бежит белая дорога. Нет, не бежит. Она горделиво, строго по прямой режет мрачно-ватую, насупившуюся тайгу. По обочинам этой дороги стоят необыкновенно стройные для наших мест березы (они-то и делают дорогу белой). Что-то есть строгое, регулярное, парковое в этой картине. Но кто будет сажать в тайге березы? Загадка. И называется эта дорога – Екатерининский тракт. Опять странно. Впрочем, в конце восемнадцатого века прошел через наши места Московский тракт, а это как раз век Екатерины Великой. Но главная дорога страны лежит километрах в двадцати от описываемых мест. Откуда он? Куда ведет этот Екатерининский тракт? Фрагмент, аллея петродвоцового парка в глухой сибирской тайге? Чудеса!

И вот с десятков лет тому назад, миновав Владимировскую пустошь, я случайно выехал на эту чудесную дорогу. Неделю назад я приобрел для своего хозяйства коня, и это было мое первое большое путешествие верхом. До этого я ни разу не сидел на лошади. Все в новинку: узда, настоящее кожаное седло, стремяна... В путь! Только-только отошел березовый сок, и белоствольные подружки закудрявились первыми, нежными, робкими, липкими листочками. Чудесный теплый майский день! На солнышке изрядный припек, до жаркого. Я выкроил пару-тройку часов из суматошной крестьянской жизни на прогулку-обучение, на волю.

Мне 35 лет. Коню пятнадцать. «Несемся» мелкой рысцой. Черная кулацкая кепчонка набекрень, чуб по ветру, китель хэбэшный на голое тело, затрапезные рабочие штаны да кирзачи. И весна, и прямая чудо-дорога, и настоящая, из сыромятины, плетка. Казаки подарили. В начале девяностых много их ходило: наряженные, в форме, при погонах и с ногайками. А мне сам атаман ее подарил! Один из пяти атаманов нашего городка. Эх, асфальтовые казачки!

Наездник был из меня никудышный. Если помните, у Грибоедова, Чацкий советует своему старому полковому другу:

– Движенья более. В деревню, в теплый край. Будь чаще на коне...

Я раньше читал и думал: какое тут упражнение, какая нагрузка? Одно баловство барское. Сел да скачи! Казаки в седлах умудрялись засыпать. Только теперь я внял классику. Дрожали ноги, болела спина, ныла отбитая пятая точка. Это потом я понял, что надо пружинить в стременах, это потом я научился чувствовать лошадь, работать вместе с ней. А тогда... Тогда было неумело, трудно и... хорошо! Васек (так звали моего здорового мерина), посмеиваясь над неумехой, все старался, старый лентяй, перейти на шаг, все мотал доброй гривастой башкой. А я гикал, пугал друга плеткой и то рысцой, то шагом ехал не знамо куда по похожей на парковую аллею дороге.

Я устал. Мое путешествие длилось уже третий час. Вечерело, меня ждали, тревожили каждодневные крестьянские дела, и я повернул коня, не одолев этот белый путь.

Более десяти лет минуло с тех пор. Нет уже Васька.

И вот сегодня – чистый лист, окно, компьютер. А там, за окном, где-то ТАМ, за зубчатой кромкой городского леса – Белая дорога.

Откуда? Куда? Чья?

Не знаю. Не знаю...

Из дневников разных лет

* * *

Как хорошо в божьем мире! Насколько здесь лишни дома твердобетонные, топольки грустные, обрезанные, придорожные и крики пьяные, праздные. Мое созвездие (какое оно прыткое!) скачет, мечется по небу, нет ему места и времени определенного, покоя нету. Мечется по бездне: в августе – на чистом юге, в январе – на юго-востоке крылья разбросит и живет, бежит, торопится куда-то. Испоганен саянский холм, испоганена моя гутская изба. Вырублен, пропит лес, но красота храмовая, точеная, ночная, лунная прикрывает стыдливо срам человеческий, кутает наш городишко и избушку мою поруганную. Богу и красоте, им созданной, кланяюсь, пою, люблю (моя жена отсюда). А все остальное – что жизнь моя: не люблю, тепло и делюсь с вами. Господи! Сегодня нет числа, есть стихи...

* * *

Жара ниспадала на мир синеватым маревом. К полдню небо набухло, сморщилось, зачернело тучами, выдавило несколько капель и застыло. И застыло, замерло, затуманилось все под небом.

Люди обливались потом. Картофельная ботва, было, вскинулась, блеснула зелению и опять опала. Погасли цветы. Небо тужилось, давило на землю темным влажным животом. Потом небо слегка вздрогнуло, качнулось влево... вправо, подул северный ветер, пошевеливая застоявшийся жар.

В эти июльские срединные дни родились Маяковский и Евтушенко, погибли Лермонтов и Высоцкий.

Странный, знаковый, ярый месяц! Макушка лета!

Кончилось нетерпеливое ожидание настоящей весны, устойчивого тепла, не пришел финальный холодный покой осени. Ярится, слепит, давит, безумствует лето – время крайностей и страстей.

Рисунок с натуры

Как мощно, тихо, спокойно надвигается ливень на Саянск! Огромная, иссиня-черная туча идет с востока. Запад беспечен, солнечен, в легких облачках. Десять вечера. Южные города уже в огнях, трудовой неспящий люд готовится ко сну, а у нас гуляют с собачками, стоят у киосков, только-только приезжают с дач. Светло, и жизнь идет дневным чередом.

А туча, тихая, мощная, неотвратимо-властная, скалясь яркими всполохами в черной утробной густоте, крадучись огибаёт город с севера, падает на запад растрепанными лохмотьями, и они вспыхивают закатно-мглисто, кроваво, тревожно.

Первые капельки – предвестники ливня – делают асфальт гладким, зеркальным в свете фар.

Ни ветерка! Только всполохи ближе и ближе, ярче и ярче! Далекие громовые раскаты все явственней и явственней. Город замер, застыл в ожидании большой, дикой, безудержной воды.

Ночь, подгоняемая тучей, наконец-то приняла в себя город, а дождь так и не пошел. Он пролился стеной, потоком севернее.

И вот, полночь, небо короткой июльской ночи оголилось до звезд, и огромная, рябая, рыхлая, мертвенно-желтая луна всплыла в русло проспекта и, упершись в бордюры, замерла.

НАДЕЖДА АНТИПКИНА

Родилась в Ярославской области.

Она – учитель по образованию, стихи пишет с 5–7 лет. Надежда Юрьевна – автор четырех сборников: «Видения памяти» (1997 г.), «Когда открывается даль» (2002 г.), «Под синим пологом надежды» (2009 г.), «И мир из тёплых красок соткан» (2014 г.) и более 50-ти песен на свои стихи и стихи классиков мировой поэзии.

Выпустила два диска со стихами и песнями в авторском исполнении.

Готовится к изданию ее третий альбом.

* * *

Кто глаза мои
сделал живыми?
Кто сроднил душу
с яркой тоской
И осенней безумной
красой,
С бесконечной
безудержной синью?
И, хлебнув красоты,
как отравы,
Неприкаянной стала душа,
Все каноны,
устой круша,
Словно парусник
без управы
Мчится по морю
одиноким,
Под неистовым ветром
кренясь,
Сохраняя со звёздами связь,
За мечтою безумно
далёкой...

* * *

Земли спокойное лицо
Выравнивает день.
Манит заветное крыльцо
Под сень родимых стен.

Где утро нежностью облёт
Святейший мамин взгляд,
Туман за речкой мягко лёг,
Окутывая сад.

Медвяно, терпко, чудно мил
Особый утра дух.
Свой раззадоривая пыл,
Восходит Солнца круг!

Чуть слышны звоны васильков
И царских лилий смех.
В стране серебряных подков –
Забывтый детский след

* * *

Куда бредётся, странник?
Что в узелке укрыл?
– На бывшем поле брани
Я слушал скорбь ветрил.

С трав пригоршнями слёзы
Сбирал и тихо пил
И видел – сквозь берёзы
Туман кровавый плыл...

Смешались люди яро,
Гремел над пашней гром,
Гортанный крик татара,
Пропитан кровью холм...

Уже промчалась вечность,
Не помудрел народ –
И снова речка горько
Туман кровавый пьёт!..

* * *

*Посвящается тем, кому ниспосланы
испытания болью...*

Разве стоит падать ДО выстрела,
Даже если на мушке живот?
Не дрожи, как осина листьями:
Почти каждая жизнь – эшафот...

Полощи глаза в синеве,
Утром каждым душу лелея.
Вопреки снегам по весне
Всю поляну подснежник греет!

Не робей! ДУХ сильнее оболочки!
Не теряй свыше данную суть!
Нежной, доброй, ласковой строчкой
Продолжай свой единственный путь!

* * *

Что скрыто в капельке слезы?
Какая боль? Печаль? Утрата?
Как холод мертвенный сквозит
Из глаз, закрытых без возврата.

Какая грань меж «был» и «есть»?
Непознанное это что-то...
Всю жизнь за дверью дышит весть,
Но дверь распахнута... и кротко

Стою пред бездной. Ран не счесть...
Не помня горечи и боли,
Я нежный выбираю Свет,
Свою судьбу, свою же долю!..

* * *

Стремительно падают цены
На жалость, любовь, сострадание –
Деньги стали заменой
Нежности и вниманья.
Только не всё покупается,
И не всё продаётся.
Смотри-ка, цветёт купальница,
И солнце всюду смеётся

Над славой, властью, богатством,
Над всем, что до глупости сложно!
Не продаётся БРАТСТВО,
И ЧЕСТЬ купить невозможно!

* * *

День улыбчив и прозрачен,
В нём смешинок целый сноп.
Пусть никто нигде не плачет –
В пляску, не жалея ног!

Насмех все хворобы, хвори!
Небо манит васильком.
Горе?! Где?! Какое горе?!
Это просто снежный ком...

Снег растает, речкой станет;
В запредельной полосе
Времечко судьбу листает;
Ночка утречком истает –
И рассвет во всей красе!

* * *

Для чего дана нам эта жизнь?
Для мучения, горечи, боли?
Для того, чтобы оценить,
Как засеяно хлебное поле...

Для чего же дана эта жизнь?
Чтоб награть, набить карманы?
Для того, чтобы оценить,
Как караются ложь, обманы...

Не горюй! Над тобой синева
Распростёрла живые объятия,
Колокольцами птичья молва
Уж трезвонит о будущей жатве.

Много песен и много стихов,
Много тёплого ситного хлеба.
Жизнь дана, чтоб идти за сохой,
Сеять спелые зерна неба...

Мама моя (песня)

Этих райских цветов по полям не сыскать,
Этих райских цветов не найти по опушкам –
Их посеяла добрая нежная мать
В палисаднике старой забытой избушки.

Припев:

Мама, мама моя! Так печален наш сад,
Где ступали твои утомленные ноги.
Мама, мама моя! Мир красив и богат,
Был любовью твоею на детской дорожке.

Мне с тобою уже не пройти по полям,
Не согреться в лучах твоей милой улыбки.
Подойду и прижмусь во дворе к тополям...
Как печально звучит голос раненой скрипки!

Припев:

Мама, мама моя! Так печален наш сад,
Где ступали твои утомленные ноги.
В край родимый веселые птицы летят,
Только мне не унять этой жгучей тревоги.

Ты уже не пройдешь по дороге земной,
Мне уже не погладить родные ладони...
Кто же может так ждать, так любить, боже мой?
Набежавшие слезы улыбкою скроет.

Припев:

Мама, мама моя! Так печален наш сад,
Где ступали твои утомленные ноги.
В край родимый веселые птицы летят,
Но ты больше не ждешь на заветном пороге...
Мама, мама моя!..

* * *

О! Это таинство закатов,
Бег золотеющей реки,
И грома летнего раскаты,
В росе веселые цветы!

Когда меня не будет с вами,
Что будет сердце вспоминать?
Вечернего заката пламя,
Желанный тонкий аромат?

И станет пусто и печально,
Что нет свиданий и любви...
Какой-то смысл парадоксальный
У человеческой судьбы...

...Но я останусь! Я – останусь
Разлитой музыкой в ночи,
Дождями, облаком туманным,
Травую, что слегка горчит...

* * *

Туда, туда, на край земли блаженной,
Где бродят необъезженные кони,
Где синева целуется с землей,
Где частые дожди и перемены...

Печальями разбавлено вино,
Но темнота расцвечена любовью,
Ласкает сердце тонкое руно
Врачующего света в изголовье...

Туда-туда, под полог лебединый,
С любимыми расставшись поневоле,
Рисуют облака над ярким полем
Свои великолепные картины.

Туда-туда, на край Земли блаженной,
Где травы шелестят зеленым шумом,
Открыт простор текучим светлым думам
Под пологом задумчивой Вселенной...

* * *

Когда душа свободна и легка,
Ей белые лепечут облака,
Рассказывая сказочно о том,
Где птахи вьют веселый милый дом,

Что есть озера с ласковой водой,
Окутанные дымкой голубой.
Склонились ивы сонно по берегам,
Вихрастый ветер бродит по лугам.

Рассыпан жемчуг утренней зари,
В нем радуга цвета свои творит.
Когда душа свободна и легка,
И сказки ей лепечут облака...

* * *

Коротаяю осенние дни,
Растворяясь в лесной благодати.
В сердце тихо струятся огни
Полыхающего заката.

Тишина. Золотая печаль
В каждом дереве, в шорохе листьев.
Воздух чист, как текучий кристалл;
Небеса прорисованы кистью.

Даже небо замедлило шаг,
Изумленное красочным чудом;
Ветер треплет сияющий фрак
Листопада над золотом луга.

И уводит немая печаль
В золотую осеннюю негу.
Журавли так надрывно кричат,
Улетая с родного ночлега...

* * *

Надо мною плачут журавли,
Оставляя гнёзда обжитые.
О любви не пой, не говори,
Обещая горы золотые.

Осень! Осень в золоте шальном
Обжигает красотой и цветом!
Сердце грусть-печаль прольет дождём,
Распрощавшись с раскалённым летом.

О любви не пой, не говори
И не верь: обманна позолота;
Лист осенний порохом сгорит,
Не успев почувствовать полёта...

* * *

Волшебный дивный листопад
Изящен в утомленном танго,
И листья всех чинов и рангов
Цветной устроили парад!

Огонь сияющих нарядов –
Последний королевский бал;
Сусальным золотом убран зал,
Все – ликование и услада.

Веселый шорох, шепот, блеск,
Признаний сладких упоенье
И бесконечное движенье
Роскошно убранных невест.
Последний королевский блеск,
Бокал пьянящего свиданья
И снова ВЕЧНОСТЬ ожиданья –
Вернуться в синеву небес...

Мой Ангел

Е.В. Куликовой, посвящается

Ты, раскинув два крыла,
Жизнь мою спасла.
Надо мною столько слез
Горьких пролила!

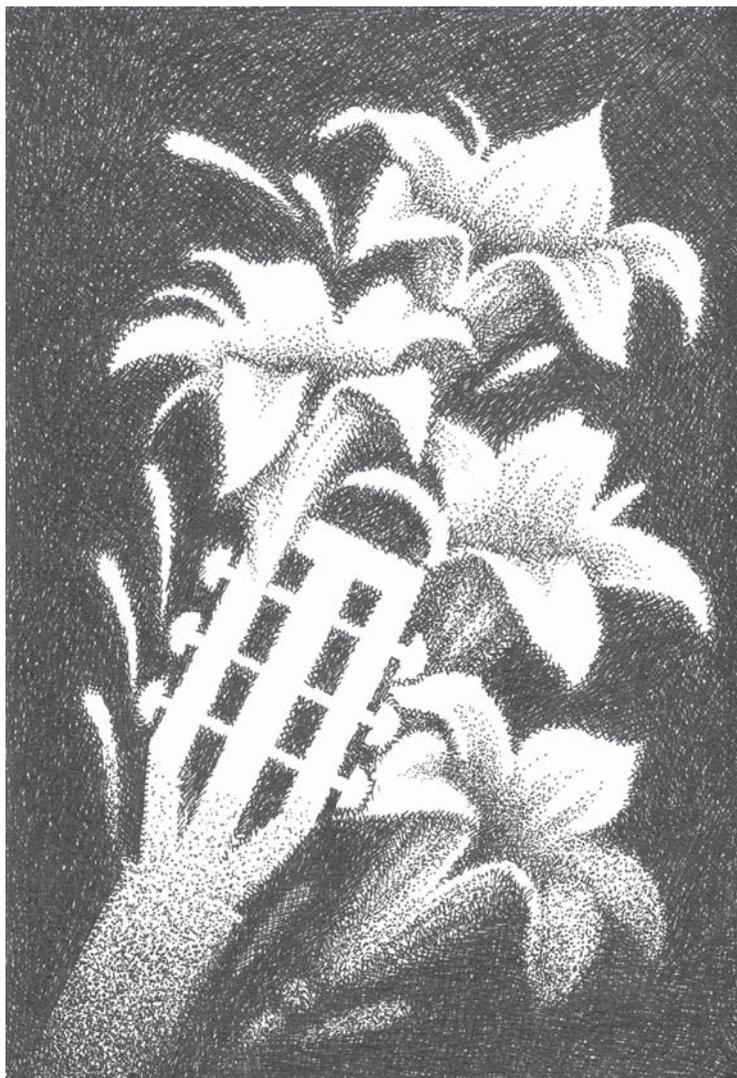
От спасительных молитв
Засыхали губы.
Только ты их, Ангел мой,
Все шептала люблю.

И прониклись небеса,
Задрожали листья...
Над макушкою коса
Пронеслась со свистом!
Отвела молитва смерть,
День зажегся новый.
Поседела голова
Ангела родного...

* * *

Ангел мой, не надо плакать...
Осенью не только слякоть,
Осенью ещё есть свежесть,
Нерастраченная нежность.

Осенью – шальные краски,
В них тепло и солнца ласка,
Вкус черёмухи душистой,
Праздник листьев золотистых,

Всех оттенков янтари,
Радость утренней зари...
Для тебя сияют звёзды
И горят рябины гроздьа.
Ангел мой, ну улыбнись!
Погляди, какая высь!..

* * *

Качается
Весь мир от желтой горечи, качается
Отчаянье –
Не плачь, не плачь, душа моя печальная!
Под звёздами,
Под звёздами далёкими, зовущими
Я гроздьями
Срываю грусть тягучую, колючую.

Не мне с тобой
Обмениваться ласковыми взглядами.
Несёт прибой
Разбитые в осколки капли радости.
Разбужена
Разлукою, печаль-тоска разбужена,
И я тону
В безмолвном и холодном стылом кружеве.

Глаза в глаза –
Озерной сини дарит звёзды солнышко.
Печаль моя,
Зачем же сеешь в сердце слёзы-зёрнышки?!
Не целовать
Тебя у речки с золотыми плесами,
И не встречать
Рассветы и закаты, зимы с веснами...

ГАЛИНА БАЛДАКОВА (ТИХАЯ)

Родилась в 1969 году в республике Бурятия.

Получила два образования, окончив педагогическое училище и Восточно-Сибирскую Государственную академию культуры и искусств. После этого она 25 лет проработала учителем начальных классов.

Галина – автор более 150 стихов и песен. Проживая в Бурятии, регулярно печаталась на страницах газет «Православный Кабанск», «Байкальские огни». С 2009 года имеет свой кабинет в литературном портале Стихи.ру. Работая в соавторстве с певцом и композитором Алексеем Балдаковым и участвуя в конкурсах, награждена дипломами за лучший авторский текст. Галина Тихая является номинантом литературной премии «Поэт года-2013», рекомендована секцией поэзии РСП для приема в Российский союз писателей.

В настоящее время она живет и работает в Саянске.

* * *

Моя Муза ушла
Очень тихо, лишь скрипнула дверь.
Машинально кивнув, я с экрана не сбросила взгляда.
И во хламе душа – вольнодумный, но пойманный зверь
В суете зажирел...

Ожидая, желтеет бумага.
Дни бегут, ночи спят.
Рядом – пошлая лень,
Суета в суете и зловонная мерзкая ярость...
Я служу им. Но хочется крылья – и в дверь,
За которой Муза осталась.

* * *

Надень счастливое лицо,
Накинь на плечи шаль удачи,
Пусть не заметят люди, что
Твоя душа так часто плачет.

Закрой глаза на боль обид,
Все шрамы ты замажь умело,
В улыбке спрячь усталый вид,
Усталость в тридцать пять – не дело!

Пусть тело в шрамах. Не беда!
Наряд прикроет все изъяны!
Пусть плохо все, как никогда,
Пусть седина пробилась рано,

Пусть сорняки в твоём саду
Сгубили всю твою рассаду...
Поли, склоняясь, поли беду,
Поли и не ропщи! Так надо!

Надень счастливое лицо,
Когда душа рыдает в клетки,
Когда никто... когда ничто...
Когда одна на целом свете,

Когда в надежде на плечо –
Соприкоснешься с пустотою,
Надень счастливое лицо
И для других ты будь такою!

Но дома у икон замри
Под сон детей, их бормотанье,
Сними улыбку, шаль сорви,
Омой всю скорбь свою рыданьем.

Встань, осенив себя крестом,
Пусть лошадь жизни дальше скачет.
Надень счастливое лицо,
Накинь на плечи шаль удачи!

* * *

В детстве фантики я собирала
Яркие-яркие, словно праздник,
Стала подростком и вдруг узнала:
Мусор – мой разноцветный фантик.

Мальчики... Тайны... В альбом прикрепляла
Новое фото. Считала – серьезно,
Встретился Он. И я тут же узнала –
мусор альбом мой! Но было поздно.

Позже восторженно в дом вносила
Мебель, посуду, новинки моды...
Мусор! Всю жизнь я тратила силы,
А ведь могла быть свобо-о-одной!

* * *

Земля запуталась в мохнатой белой шали,
На вид – тепла, но тронешь – стынет перст.
Воспоминания веселой резвой стаей
Вспорхнули и рассыпались окрест.

Вот дом – высокий, статный (теперь – низкий!),
Луч солнца радостно касается перил.
С сестрой сигаем – юные артистки,
Как куропатки, разве что без крыл.

Сугробы человеческого роста
К заборам ровным будто приросли.
Лопатой, палкой и руками просто
Мы прорывали тайные ходы.

А Селенга чиста и полноводна.
Плыть не умеешь – лучше не берись...
Где это все? Иль таинства не модны?
Мельчает снег, вода, трава... А может, жизнь?

Все нам известно, все не интересно,
но радость ту, тот трепет, тот хрусталь
Напомнил снег, почти такой, как в детстве.
Почти такой... Почти... О, как мне жаль!

Встречай, мой город, меня

И, кажется, песня спета вся,
Окончен давно куплет.
И пелась она не для... А зря...
И места ей в жизни нет.
Стою на краю, назад – не путь.

И прыгнуть нельзя, нет сил...
Но слышится где-то: «Взмахни, лети –
Ты рано крылья сложил!»

Встречай, мой город, меня.
Мне трудно жить без тебя.
И горечь каждого дня
Я пью в разлуке.

Встречай, мой город, меня!
В рассвете нового дня
Я отпущу журавля,
Синицу – в руки!

И нужно порвать привычный круг,
И резко взмахнуть крылом...
Увидеть, как поезд стучит: «Тук-тук!»,
Узнать вдалеке свой дом.

Пусть кажется – песня спета вся,
Давно отзвучал куплет,
Но в городе света встает заря,
Рождается мой сонет!

Встречай, мой город, меня.
Мне трудно жить без тебя.
И горечь каждого дня
Я пью в разлуке.

Встречай, мой город, меня!
В рассвете нового дня
Я отпущу журавля,
Синицу – в руки!

Саянский вальс

Сиреневым цветом окрасился город –
Под сенью сосновой багульник расцвел.
Саянск в эту пору особенно дорог,
Уютно и празднично жителям в нем.

Идешь тротуаром, вдыхаешь особый,
Ни с чем не сравнимый покой и уют,
Голубки кивают, как старым знакомым,
И крошки с ладошки без страха клюют.

Мой город любимый! Ты юность оставил,
Асфальта морщинки уже не стереть.
Но есть в тебе тайна, особая тайна,
Которую надо саянцам сберечь.

Здесь солнечным летом особенно ярко
Повсюду тебя окружают цветы,
И, кажется, лучше не сыщешь подарка –
Того, что здесь житель не кто-то, а ты!

Здесь каждый прохожий немного знакомый,
Десятки тропинок смыкаются вдруг...
Когда вы решитесь приехать в наш город, –
Частичку души потеряете тут.

Мой город любимый! Ты юность оставил,
Асфальта морщинки уже не стереть.
Но есть в тебе тайна, особая тайна,
Которую надо саянцам сберечь.

Здравствуй, март

На часах стрелка звякнула – восемь.
За окном восемь плюс. Ни души...
Расцвел город мой этой ночью,
Семь весенних деньков распустив.

Календарь. Восемь красного цвета.
Как-то ярко, нарядно, тепло!
Может сердце, что возле букета,
Ощутить этот свет помогло?

Яркий лучик по кромке постели
Пробежал, на подушке затих,
В вечный праздник я все же не верю,
Но сегодня рождается стих:

Распахни настежь окна и двери,
Сбрось вериги мехов дорогих,
Пусть звучат в доме первые трели –
Звонкий ритм утекающих крыш.

Пусть купаются в луже голубки,
Омывая свой белый наряд,
Пусть мужчины вам дарят улыбки,
Нежный, верный и трепетный взгляд.

Пусть не будет обманутых женщин,
Пусть не будет разбитых сердец...
Здравствуй, март – юный спутник надежды
И любви неумный певец!

Сыну

Люби Отчизну, как отца и мать,
Не за дела, подарки – просто так,
Встречай рассветы бодро, а заката
России нам не нужно допускать.

Пускай шакалы западные воют,
Пускай кружится стаяй воронье...
Им не дано... Россия же спокойно
и мудро носит мужество свое.

В своей истории Россия терпеливо
Стервятников кормила кровью ран,
Но подлой не была, нож не втыкала в спину,
И первой в руки биты не брала.

Но сохранить ее величие и славу
Тебе, мой сын, возможно, будет честь,
Оплотом стать для Родины – державы!
Была Россия силой! Будет! Есть!!!

Навстречу С.

Рассыпается, искрится лучик солнца во дворе,
Он скользнул по нашим лицам, огонек зажег в душе.
Вот и кончилось ненастье, дождик плакать перестал!
«В вашей жизни будет счастье!» – он уверенно сказал.

Поднимаю взгляд на небо, вижу радуга-дуга –
Разноцветная надежда, путь-дорожка, а куда?
Вот и кончилось ненастье, дождик плакать перестал,
Отстучал, что будет счастье, ручейками убежал.

И колесами игриво быстрый поезд мой стучит,
Машут рощи торопливо, за окном Байкал шумит.
Вот и кончилось ненастье, дождик плакать перестал,
Еду я навстречу счастью. Город С., ты очень долго ждал...

Весенняя дорога

Дорога рваная
Зияет ранами,
И грязь – кровь черная
Подзапеклась...
Когда-то девою
Невинной, белою
Угрюмой технике
Ты отдалась.
В ночи оденется
Невеста-пленница,
Изъяны пудрою
Припорошит.
Рассвет. И (надо так)
Ногами, санками,
Машин колесами
Испорчен вид.
Из снега кружево
Польется лужами,
Глаза слезливые,
Что неба синь.
Мы знаем – временно
Тяжелым бременем
Легла на бедную
вся тень весны.
Смотри! День солнечней,
Лучом омоется,
Зеленой байкою
Прикроет стыд.
Теперь не грустная
Она без усталы
Под марш подковочный
свой вид хранит!

Шагает память по войне

Незримыми шагами
Она идет к тебе и мне
Поэмами, стихами.
В них болью дышит каждый слог,
Со строк сбегает сила –
«За Родину!» солдат живет
И гибнет «За Россию!».
«За Родину!» – так умирал
Любой боец на фронте!
«За Родину!» – юнец стоял,
Трудился на заводе!
Но ни один не предавал
За кус своей Отчизны,
Голодной смертью умирал
Для нашей сытой жизни...

Отец мой, малый шести лет,
От голода припухший,
В войну забыл, что значит «хлеб»,
Не знал он жизни лучшей.
Война... Далекая война
По ним жестоко била,
По мирным улицам она
Конвертами ходила:
«В бою под Киевом убит...»,
«Убит под Сталинградом!»...
Отец на фронте. Пишет: «Жив
И бьет фашистских гадов...»
Как на врага шли с топором
В картофельное поле.
Малыш голодный. Снег кругом.
(Всех братьев было трое).

Один от снега очищал
Площадку для удара,
Другой наотмашь ударял,
Их брат готовил тару...
Был зоркий глаз у пацана –
Увидел он картофель
И наклонился... Эх, война!
Кровь, снег – и бледный профиль.
Топор попал по голове!
Не насмерть, слава богу!..
Война, ты, значит, и ко мне
Нашла свою дорогу?
Болит отцова голова –
Военная пометка.
Не делит эту жизнь война
На взрослый мир и детский.
И память в каждый дом идет,
Свои теребит раны..
В канун Победы весь народ
Поздравит ветеранов.
Мы благодарны им за то,
Что воевали, жили,
Что не сломались от войны
И схватке победили!
За то, что мы сейчас живем
И с нами – наши дети,
За то, что здесь, в селе родном
Мы помним о Победе!

СЕРГЕЙ БАЯНОВ

Родился 23 октября 1984 года в городе Усолье-Сибирское. По образованию он инженер-технолог органического синтеза. Служил в рядах Вооруженных сил РФ.

Живет и работает в Саянске. Пробует свои силы в литературе, пишет короткие рассказы.

Паук

Капельки росы по утру блестели изумрудом на тонком полотне паутины. Большой черный паук, со зловещим крестом на брюшке, терпеливо ждал своей жертвы.

Беспечные, надоедливые мухи частенько попадали к нему в сети. Правда на сей раз в его хитроумную ловушку угодила настоящая диковинка.

Она неистово билась, словно в припадке и резкими толчками сотрясала паутину.

Огромные крылья в устрашающей окраске хищных глаз, да аккуратные усики. То, несомненно, была бабочка.

То ли нити ослабли от напора ветра, то ли сила жизни была в ней велика...

Однако она сумела порвать ненавистные силки и улететь. Паук проводил ее тоскливым взглядом.

Почему пауки не летают?

На следующий день погода испортилась. Подул теплый ветер с юга. И с очередным сильным порывом паутина оторвалась от родного куста и поднялась в небо. Паук крепко вцепился в кусок бывшего величия и подобно птицам парил в облаках.

Если тебе даны судьбой крылья, не попадайся в хитро-сплетенье паутины серых дней.

Загадка

Порой жизнь преподносит нам странные сюрпризы и загадки, которые даже самый пытливый ум не в силах себе представить.

То лето было для меня двенадцатым. Я жил тогда у родных на даче. Трудлюбивые дачники, словно муравьи, копались на грядках. Утреннюю прохладу сменял полуденный зной, а вечером промышлял баловством веселый озорник – дождик.

Как-то утром, оседлав упрямый велосипед и решив прокатить пару кругов вокруг дачи, я случайно увидел на соседнем участке нечто изумительное, волшебное. То была худенькая девушка в красном купальнике. Она лежала на раскладушке, купаясь в солнечных лучах, широко раскинув руки. Словно эта была и не раскладушка вовсе, а купель с водой. Легкий ветерок шептал ей что-то, очень, ласково и нежно, и она счастливо улыбалась.

С тех пор я утратил покой. Вечерами, глядя на темнеющее небо и первые звезды, я предавался мечтам. И все мечты были полны ей. Они были чисты и наивны, как смех младенца.

Утром и днем я страдал и томился, созерцая красоту миров в ее улыбке.

Робость и стеснение не позволили мне подойти к ней поближе и заговорить. Я так и не узнал, как ее зовут.

То лето сгорело осенью. И я уехал домой. Больше я никогда ее не видел. Она навсегда осталась для меня загадкой.

Пчела

Не каждый путь усеян цветами. Лишь дикие пчелы не ведают ни о чем, кроме дороги цветов. Их восприятие лежит в иной области, отличной от зрения и чувств людей.

Как невероятно прекрасен мир, мир пчел. Ведь для пчелы не существует войн и людей, она живет на другой планете. Планете ярких красок и удивительных созданий.

Люди в тщеславии своем также близоруки, как пчелы. Существует множество миров, не доступных нашему глазу.

Не дайте погибнуть цветам на лугах и полянах, храните красоту чужих миров.

Поездка

– Экипаж по машинам – крикнул старший лейтенант Не-чаев.

Рядовой Мельников лихо запрыгнул внутрь самоходки, бережно поставил грязный вещмешок под ноги, закрыл люк и занял свое место, согласно боевого расчета. Напротив, Мельникова примостился худой паренек в выцветшем камуфляже, он усердно потирал руки, радостно оглядывая сидящих впереди: старшего наводчика Боброва, и командира орудия Илюмжанова.

– Чему радуешься? – вполголоса, спросил его Мельников.

– Так ведь полевой выход окончен. В часть возвращаемся. Хоть помыться по-людски – весело отвечал ему рядовой Илюхин. Продолжить беседу товарищи не успели.

Взревели двигатели машин и самоходку сильно затрясло. По рации передали общий приказ о выступлении и сорокалетний старший сержант Илюмжанов, скомандовал: «Вперед!»

Механик-водитель, младший сержант Кирсанов дернул за рычаги управления, самоходка заняла свое место в колонне боевых машин и двинулась навстречу первым лучам солнца по бескрайним полям Алтайского края.

Рядовой Мельников блаженствовал. Остались позади бессонные ночи, бесконечные подъемы по тревоге, построения, отработка нормативов и тактик.

Как гласит устав: «солдат должен стойко и мужественно переносить все тяжести и лишения воинской службы». Жизнь, в очередной раз, подтвердила эту армейскую мудрость.

Преодолев очередной склон «саушка», как ласково называли машину артиллеристы, чихнула выхлопными газами, лягнула броней металла, дернулась и замерла неподвижно – «закипел» двигатель, вместе с ней встала вся колонна.

В военное время такая остановка могла стоять жизни бойцов, ведь у самоходных артиллерийских установок легкая

броня, и неприятель запросто мог воспользоваться такой заминкой.

По приказу Кирсанова: Мельников, чертыхаясь нехотя, крутил рукоятку рычага, до тех пор, пока не развернул башню и ствол основного орудия на девяносто градусов, дабы залить антифриз для охлаждения двигателя.

Затем вылез наружу и замер от неожиданности: в метрах десяти поодаль, у подножья холма, с явным интересом смотрела на него девушка семнадцати лет, а впереди виднелось селение.

Время остановилось. Мельников потерял связь с окружающим миром. Он не слышал призывов и команд по радио и грубых ругательств командира. Только ветер колыхал края цветастого платья, в громаде притихшего металла, а на загорелом лице молодой девушки играла добрая улыбка, и сияли синевой глаза.

Когда к нему подошел Илюмжанов, Мельников встрепнулся и не ждал ни чего хорошего.

Однако, на удивление Мельникова, сержант лишь взглянул на девушку, залил злосчастный антифриз и закрыл крышкой топливный бак.

Современный Карлсон

Ранним утром, когда большая часть добропорядочных горожан, еще принимала водные процедуры и продирала ото сна глаза, бесцельно бродил по безлюдному парку отдыха заезжий паренек неприметного вида, с большой черной сумкой на плече. Гражданин был среднего роста, нормального телосложения, европейской внешности, с немного вытянутым лицом, с черными короткими волосами, на вид двадцать пять – тридцать лет. Был одет в потертые джинсы, изрядно поношенные кроссовки, серую футболку.

В свое время, с легкой руки Астрид Линдгрэн увидел свет капризный, вредный, легко узнаваемый персонаж, «в самом

расцвете сил» – Карлсон. Благодаря советской цензуре и замечательной переводчице Лилианне Лунгиной, Карлсон известен взрослым и детям, только с хорошей стороны, хотя у себя на родине, в Швеции его не любят, считая обманщиком, эгоистом и мелким вором, что и не удивительно, ведь стоит только, внимательно прочесть первоисточник и все сразу встает на свои места.

Каждому времени свои герои, и современный Карлсон претерпел ряд изменений. Об этом далее.

Вор – гастролёр, по кличке «Веселый», устав ходить в тишине цветущей зелени кустов и деревьев, поспешил навстречу ближайшему дому, благо жители уже уехали на работу. Подойдя к подъезду, Веселый достал из сумки титановую фомку – легкий, прочный и незаменимый инструмент в воровском деле. Небрежно вставил в едва заметный зазор между металлической пластиной и электромагнитным замком, надавил плечом, и дверь легко поддалась победителю.

От азарта и небольшого волнения, щеки паренька чуть покраснели, дыхание стало прерывистым, и слегка задрожали пальцы рук, но привычным усилием воли, Веселый сумел задушить подступающий к нему страх. Он любил «пятиминутки» – быстрые кражи, без предварительной подготовки. Благо большинство замков и дверей легко открывались силовыми методами, либо подбором ключа или отмычкой.

Внимание вора привлекла дешевая китайская дверь с «английским» замком. Он надавил на кнопку звонка, в квартире послышалась короткая трель, выждал минуту, осмотрел электросчетчик в подъездном щитке – убедился, что хозяев нет, и приступил к взлому. В ячейку замка парень вкрутил крепкий каленный саморез, затем резким рывком вырвал сердцевину монтировкой, длинной отверткой провернул ригели замка и открыл дверь. Веселый брал только деньги, золото и негабаритную технику, все остальное не представляло для него ценности. Таким манером преступник обходил не более трех квартир за раз, слишком велик был риск.

Следующую дверь вор бесшумно вскрыл отмычкой и когда ступил на порог, случился казус: с детской послышались чьи-то шаги и взору Артема – так на самом деле, звали парня, предстал кучерявый мальчишка лет восьми.

– Вы кто? – не уверенно, спросил мальчик.

– Я Карлсон, живу на крыше. Ты, наверное, слышал обо мне, Малыш – не растерялся Артем.

– Да – покивал головой мальчик.

– А знаешь, крыша то прогнила от старости, и теперь не защищает от ветра и дождей. Это очень неприятно – пожаловался Карлсон.

– Да уж – отвечал Малыш.

– Ты можешь помочь мне. Ты ведь хочешь делать добрые дела, Малыш? – спросил Карлсон.

– Хочу! – воскликнул Малыш.

– Хорошо. Нужны деньги на ремонт, принеси их мне – спокойно, попросил мальчугана находчивый вор.

Когда смятые купюры оказались в руках Артема, он улыбнулся, погладил мальчика по голове, затем произнес на прощание: «Ни кому не говори про меня. Хорошие дела не любят огласки». После выбежал вон и затерялся в извилистых лабиринтах улиц.

Счастливый позывной

«Доброе утро, на линии сегодня дежурит Марина, всем водителям: ни гвоздя, ни жезла!» – сквозь треск помех, услышал напутствие диспетчера такси Андрей. Начинался очередной рабочий день.

Андрей возил людей на автомобиле ВАЗ-2016 темно-синего цвета. «Жигули» достались Андрею по наследству от деда.

До обеда Андрей принял всего одну заявку: увез знакомого мужика на работу, после чего припарковал машину в ожидании следующих пассажиров, напротив магазина детских игрушек.

В салоне автомобиля было уютно и чисто: на всех сиденьях, красовались новенькие чехлы, резиновые коврики были тщательно вымыты и заботливо уложены, нигде не было даже намек на пыль. Звуки негромкой музыки лились из магнитолы, как вода из лейки, они убаюкивали Андрея, в задумчивости подпирая подбородок рукой, он вспоминал деда.

Однажды, дед взял с собой юного Андрея на рыбалку. Андрей довольный носился по россыпи гальки на берегу Белой. А дед поймал крупную сорогу в серебристой чешуе. Андрей побежал посмотреть, поскользнулся на мокрых камнях, упал и громко заплакал.

«Э брат, ты так мне всю рыбу распугаешь в округе», – огорчился дедушка.

«Михаил Петрович, так его звали», – произнес вслух Андрей, словно беседовал с невидимым собеседником.

Другой раз они рыбачили на Ангаре. Стояла ясная солнечная погода, по глади воды бежала легкая рябь – дул южный ветер Верховик.

Закидушки и удочки, расставленные дедом по всему берегу, замерли без движения – поклевки не было.

«Коль рыба не клюет, клюнем сами», – заговорщически подмигнул дед, предлагая малость перекусить.

С утра местные рыбаки видели огненный шар, он прокатился по небу над рекой и сгорел над лесом, быть может, потому и не клевало.

Рыбалка любит фарт: то густо, то пусто – не угадаешь.

Много разных курьезных случаев приключалось во время рыбной ловли, всех и не упомнишь, но на всю жизнь запомнил Андрей рыбалку под красной горой на Оке.

Вечерело, над головой звенели комары, от реки тянуло приятной прохладой, костер догорал, изредка потрескивая остатками дров. Дед спустился к реке и проверил, надежно ли закреплены сети, а Андрей залил остатки костра водой и засыпал угли песком. Из еловых веток соорудили лежанку и легли спать. Земля еще долго хранила тепло.

Утром густой туман, словно парное молоко, залил весь берег, реку и окрестности.

Старый рыбак открыл глаза, приподнялся над примятой лежанкой, охватив руками озябшие плечи, затем стряхнул иголки с куртки, встал, разбудил Андрея, и замер в нерешительности. Вокруг царил мертвая тишина: ни шороха, ни ветерка, ни песни ранней птицы, было так тихо, что Андрей слышал, как глухо стучит его сердце.

Наконец дед решил проверить сети, в надежде, что попалась крупная рыба. Неожиданно посреди реки возник силуэт девушки. Фигуру скрывала длинная до самых пят накидка из легкой ткани. Лица девушки нельзя было разглядеть, мешал толстый слой тумана.

Бесшумно ступала она по воде, точно по проторенной дороге. Михаил Петрович молчал, не в силах произнести и слова, а Андрей оцепенел от ужаса.

Уже у самого края реки девушка растворилась в тумане.

«Утопленница, не отпетая в церкви и не нашедшая покоя, будет вечно ходить по тем берегам» – высказал после свое предположение дед. Андрей был с ним полностью согласен.

Утомленный воспоминаниями Андрей уснул.

Сон Андрея внезапно прервала портативная радиостанция очередной серией шумов и звуков: «Седьмой, прими заявку, улица Строителей, дом три, квартира пятнадцать».

«Улица Строителей, дом три, квартира пятнадцать», – повторил в ответ Андрей, тем самым подтвердив заявку. Он не догадывался, что диспетчер Марина только что отлучилась на пару минут по неотложному делу, а вызов пришел из далекого таежного города Сургута...

Искушенные радиолюбители знают об интересном атмосферном явлении – спорадическом прохождении сигнала: когда радиосигнал отражается от верхних слоев атмосферы, а потом от поверхности земли, тем самым преодолевая большие

расстояния, иногда до несколько тысяч километров. Спорадическое прохождение сигнала бывает в гражданском диапазоне коротких волн, на частоте 27 МГц, которую облюбовали таксисты, ведь оборудование стоит недорого и на него не требуется специальное разрешение. Ну а улица Строителей есть почти в каждом городе.

Когда Андрей приехал по указанному адресу, из подъезда вышла красивая молодая особа в красном платье. Она бросила короткий взгляд на автомобиль и Андрея.

Андрей в ответ улыбнулся и посигналил – мол, чего стоишь-то, садись!

Девушка поколебалась немного, затем решительно открыла дверь и аккуратно, чтобы не дай бог не измялось платье, присела на переднее сидение.

– До дома культуры подвезете? – спросила красавица.

– Довезу – пообещал Андрей.

Так случайно, Андрей нашел свое счастье.

Честный сантехник

После планерки мастер управляющей компании «Центр» Иван Решетов забежал к слесарям-сантехникам.

В углу небольшой прокуренной комнаты громоздилась куча чугунных батарей, в центре стоял металлический стол со слесарными тисами. На столе рассыпью лежали краны, вентиля, сгоны, муфты, контргайки, прокладки различных диаметров. Полки, прибитые к неокрашенным стенам, вмещали рабочий инструмент: рожковые и накидные ключи всех размеров, напильники, молотки, метчики для нарезки внутренней резьбы, трубный клупп, шуруповерт, перфоратор, «болгарку».

Главной достопримечательностью слесарной мастерской был старый, подобранный с помойки диван, на нем отдыхал от трудов праведных опрятный мужчина средних лет в чистой, отглаженной спецодежде.

– Здравово Сан Саныч – приветствовал сантехника мастер.
– И тебе не болеть, коль не шутишь – отвечал Саныч.

Иван присел на край дивана, сунул разомлевшему сантехнику журнал по ТБ. Саныч расписался в графе инструктажа по технике безопасности (хотя инструктажа не получил), затем поднялся, схватил пошарпанный кейс с инструментом, простился с мастером и ушел.

Первым делом, Санычу предстояло заменить неисправный смеситель в одной из квартир десятого дома, по улице Мирной.

Саныч знал, что вводные краны от стояков в квартирах жильцов не перекрывают полностью проток воды в виду износа и старости, потому спустился в подвал, чтобы перекрыть задвижки к стоякам водоснабжения.

В подвале, в свете тусклой лампочки, Саныч увидел знакомую картину: кучу разнородного бытового мусора, разбитые бутылки, использованные шприцы и презервативы – вся эта мерзость вперемешку с песком отвратительно хрустела под ногами.

Трубы систем холодного и горячего водоснабжения представляли собой сплошной кусок ржавчины и хомутов. Из подгнившей резьбы тройников, муфт, переходов капала вода.

Видя, в каком плачевном состоянии трубы, Саныч думал: «То не трубы плачут, а душа».

Закрыв задвижки, Сантехник вышел из темного подвала на улицу. Щурясь от яркого света, достал из кармана спецовки сигарету, закурил, сделал несколько затяжек, затем торопливо потушил недокуренную сигарету и выбросил в урну. Быстро поднялся по разбитым ступеням на второй этаж, и позвонил в дверь квартиры № 47.

Дверь открыла пожилая женщина, не по сезону тепло одетая, на ней были черные теплые штаны и серая вязаная кофта, на голове – пуховый платок.

«Сынок, проходи на кухню» – сказала бабушка сантехнику.

Саньч не разуваясь, прошел на кухню. Там стоял стол, накрытый простой скатертью и два табурета. На одном табурете лежал новенький блестящий смеситель.

Бабка довольная своей покупкой похвасталась сантехнику: «Вот милоч, в магазине вчера купила. Хороший шибко и не дорогой».

Саньч взял в руки смеситель, повертел его так и сяк, осмотрел со всех сторон, и вынес свой вердикт: «Это не смеситель вовсе, а мина замедленного действия. Он сделан из Цама. Ставить не буду».

Откуда знать старой женщине, о существовании нормативной документации, а в частности ГОСТа, в котором прописан перечень разрешенных материалов для изготовления деталей сантехнической арматуры; в нем указаны марки латуни, чугуна, нержавеющей и углеродистой стали, и других материалов.

Цам – сплав, состоящий из цинка, алюминия и меди, причем цинка в нем 96-98%. Детали из Цама часто путают с силумином, хотя силумин – сплав алюминия и кремния. Латунь же сплав на основе меди. Цам под воздействием воды разрушается, точно сухарь в кипятке, потому не разрешен для применения в сантехнике. В целях удешевления готовой продукции товарищи из КНР закрывают на это глаза.

Саньч терпеливо объяснил раздосадованной бабке о вреде Цама в сантехнике, сбегал в магазин, обменял китайский смеситель на российский из латуни, хорошо, что упаковка и чек сохранились. Вернулся, качественно сделал свою работу, бабка аж прослезилась от радости, и даже предложила литр водки расторопному сантехнику.

Саньч благородно отказался.

На таких добросовестных работниках и держится много-страдальное жилищно-коммунальное хозяйство российское.

ЮЛИЯ БУТАКОВА

Родилась 2 февраля 1975 года в Ангарске в семье служащих. В Саянске живёт с 1979 года.

Впервые стихи девушки были опубликованы в городской газете «Саянские зори». Ее поэзия печаталась в «Новых горизонтах», в областной газете «Родная земля», журнале «Сибирь», «Литературной газете», в печатных изданиях городов Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы, Ставрополя.

В 2004 году Юлия выпустила свой первый сборник «Начало», участвовала в 17-м областном конкурсе «Молодость. Творчество. Современность», где стала лауреатом в номинации «Литература. Поэзия». Тогда же Юля поступила в Московский литературный институт им. А.М. Горького на семинар поэзии Владимира Кострова и окончила его в 2010 году. Годом раньше вышел сборник её стихотворений «Тридцать три!»

В сентябре 2014 года в Центральной городской библиотеке Саянска прошёл её творческий вечер «А я лишь женщина земная!»

Анютка

Картинка мелом: дом с трубой
И подпись: «Аня К., 3 года».
Отца «закрыли» за разбой,
А мать животная природа

Пустила по рукам давно...
Есть бабушка. Та – Гитлер в юбке.
Детсад, каток, пломбир, кино –
Всё не для брошенной голубки.

Вчера нашла зелёный мел,
Мечту свою нарисовала:
В ней мама шила, папа пел,
А дети... ели до отвала.

И девочка постарше чуть
Её рисунок подписала...
Вот время вспять бы повернуть,
Чтоб мама Аню не бросала!

Рисунок этот – лишь фрагмент.
В мечте есть лес, поля и реки.
Но домик – он не аргумент
Для тётъ из органов опеки.

Они (уже в который раз!)
Уводят к Гитлеру Анюту.
Мелок отложен про запас –
Мечту продлить хоть на минуту...

Какое мне дело до кедров и мёда?..

Какое мне дело до кедров и мёда?
До тёмной воды в незамёрзшей реке?
Латунная осень десятого года
Сжимает нещадно меня в кулаке.

А век золотой – он грядёт или канул?
Я – миг во Вселенной. Как жить? И когда?
Лишь рыжий сезон наступает по плану
И закономерно темнеет вода.

Мохер куржака обозначил границу
Меж хаосом ночи и логосом дня.
Зима свою руку суёт в рукавицу
И по эстафете сжимает меня.

Когда камыш сгибает спину...

Когда камыш сгибает спину
Под натиском июльских гроз,
Скучает дед по карабину,
И в лес поглядывает пёс...

Обоим лет уже немало:
У одного – верстак, чаёк,
Обкусанное одеяло
Другому согревает бок.

А где-то в сумраке раздолий
Синильга чинит торока –
Её жених в эдем соболий
Наметил путь. Но спит пока.

От богатырского сопенья
Дрожат брусничные ковры.
И дед наш грезит до Успенья
Душистой засушить махры,

Которой нынче – полнадела.
А вот бывали времена,
И он, и пёс, сходяв на дело,
Всю ночь коптили кабана.

И дорогая половина
Томила в чугулке «мундир»...
Теперь жестоко ломит спину,
И не в чем выйти деду в мир.

И омуль был крупнее раньше,
Туман сырее, легче речь.
«Сходить мне, что ли, выпить к Паньше?
Чего здоровье зря беречь?..»

Но Паньша на иных широтах
Давно уже. И дед встаёт,
Газетку стелет, хлеб и шпроты
С далёкой полки достаёт.

Пусть пир таёжников сегодня
Продлится до прозрачных рос...
Вдруг очень скоро скрипнет сходя
И возвратится сын-матрос?

Маяк мигает на холме

Маяк мигает на холме,
Прилив диктует стансы небу,
И я, спокойная вполне,
Пишу сейчас не на потребу

Врагам, газетам и земле,
А небесам, тебе и дружбе.
Раскрытый томик Дю Белле
Листает ветер – южный, чуждый...

Ты далеко. Ты не один,
Где вызов небу не уместен.
И твой новорождённый сын
Ещё не знает, что известен

Его отец уже давно
И любит женщину другую.
Я дегустирую вино
И вещи не спеша пакую.

Но что-то снова не даёт
Стихи прервать, к тебе вернуться:
Меня пугают самолёт
И вдруг разбившееся блюдце...

Определившись, наконец,
Я остаюсь, припоминая,
Что ты – творец, поэт, мудрец!
А я – лишь женщина земная!

Похвали меня, папа...

Похвали меня, папа,
За скворечник, сколоченный мною.

В куртке тонкого драпа
Ты любил прогуляться весною.

Обними меня крепко:
Я не «папенькин сын», я «весь в папу».

Восьмиклинная кепка
(Мне б такую! Не надо и шляпу!)

Ты приснись, когда сможешь!
Буду ждать тебя каждую ночь.

Никогда не уложишь
Спать свою нерождённую дочку.

Если там её встретишь, –
Расскажи про меня и про маму!..

...Взрослый сын вспоминает
Свою давнюю детскую драму.

Предвосхити своим уходом

(Вадиму)

Предвосхити своим уходом
Мою нечаянную боль...
Год 41-й. Взвод за взводом
Уходит в навь земная соль.

Но твой отец живой вернулся,
И дед мой смертью жизнь купил:

В надежде сгинуть обманулся,
Полсотни душ шутя сгубил...

А суть – в другом. Ты появился,
И я сумела подоспеть.

Как бы нечистый ни ярился,
Свой путь земной прошли на треть

(Аналог Данте – половина).
Люблю тебя – и все дела.

Ни в чём пред Богом не повинна,
Ну только что – не родила...

Дом возвела из крепких строчек,
Посаженных деревьев – лес!

2006-й. Твой почерк
В открытке. Чудо из чудес:

«Люблю. Целую. С Новым годом!
Измену искупить позволь...»

Предвосхити своим уходом
Мою нечаянную боль...

АЛЕКСАНДР ГАЛЫГА

Родился в семье учителей в поселке Новые Броды Куйтунского района в 1948 году. В юности окончил Тулунское педагогическое училище и Иркутский государственный университет. Стихи пишет с десяти лет.

Александр – автор поэтических сборников «Шивера Арзама» (1992 г.), «Случайная связь» (1998 г.), «У Красного яра» (2000 г.), «Предзимние росы» (2001 г.), «Когда давали имена» (2003 г.), «Байкальская мелодия» (2005 г.), «Избранное» (2008 г., поэзия и проза).

Он, как бард, написал более 70 песенных текстов. Александр Галыга – автор сбрника песен (2009 г.) и пяти музыкальных альбомов: два из них – сольные, три – коллективные. Живет и трудится в Саянске.

Отзвуки детства

Андрею Степановичу Корниенко

Я помню, как пахнет талинника куст,
как каплет, мутнея, березовый сок,
и запах полыни, и щавеля вкус
я в отзвуках дальнего детства сберёг.
А ты ощущаешь, как дышит трава,
тонка и прозрачна небес акварель,
как преет, слоясь, подо мхами листва
под звон тишины?

Неожиданно трель
расколет распадок, уйдет рикошетом,
и предощущение красоты
возникнет...

и трудно сдержаться при этом,
чтоб не закричать, не запеть...

Впрочем, ты,
наверное, любишь свой город не меньше
с его суетою и праздной тоской?..
Но только на фоне любой деревеньки
беззвучно тускнеет пейзаж городской.
Не архитектоника звука и света –
там лепет черемух, вселенские сны,
и лёгкая грусть уходящего лета,
и клёкот прощальный: «До скорой весны!»
Уже в октябре остывают поля
и ёжится пашня под первой порошей,
задиристо-весел морозец хороший,
и неповторима родная земля.
Мечтаю дощатым пройти тротуаром,
себя ощутить человеком сполна
и снова увидеть: над старым амбаром
большая, как в детстве, восходит луна.

Морской этюд

Николаю Рашидовичу Комкову

На Черном море тишь да гладь стоит.
Проворным визажистом ветер лижет
шелковицы. Всё лето мирно спит
Нептун могучий. Полным штилем дышут
морские дали. Утром, взяв мольберт,
с темрюкского шагаю побережья
в Тамань и прихожу в обед,
оставив позади лиманы. Спешно
пишу этюд-другой на берегу
с ухоженной хижинкой поэта.
Потом иду в музей и не могу
уйти. И с Лермонтовым где-то
так близок я родством души своей,
из зерен золотую середину,
выхватывая, и палитру всей
картины собирая воедино,
испытываю вновь, что испытал поэт,
глядевший в даль лазурную над морем...
Хотя с времен тех много знойных лет
минуло здесь, но в голубом просторе
всё та же синь и солнечная пыль,
самановые мазанки меж ветел,
и жизнь течет, как вековая быль,
сквозь сети, вдоль баркасов, подле весел.
И цепкий взгляд мой уловил едва
заметною на горизонте гранью
полоску шторма. Первыми сперва
засуетились чайки над Таманью
и закричали вдруг, и полетел
их крик тревожный выстрелами к суше...

И буруны пошли, что я хотел
за лето в море тщетно обнаружить.
В какой-то миг такая тишина
повисла над подавленной Таманью!..
Умолкли чайки, будто их вина
была причиной их переживаний.
И вот достигла берег... и сполна,
слизав с откоса высохший песчаник,
ударил тяжелая волна
и утопила крики белых чаек.
И парусник вздымался на волнах
и уходил в коричневое море...
Там дерзость побеждала дикий страх
в восторженно-бушующем просторе.
Летела пена белым вороньем
стремительно над сумрачной Таманью,
пах йодом воздух, и сверкали в нём
так близко звёзды. В молоко тумана
к утру улегся шторм. Издалека,
я видел, появился Крым-отшельник
с белесыми глазами Судака,
и Керчь биноклем трогал за ошейник.
Вблизи дельфинов стайка, над водой
изяществом движений привлекая...
И нарождался месяц золотой,
свои рожонки в море полоская.
Мальчишки шли по отмели вдали...
Я помню всё: тот день, ту ночь, то утро...
Я их спросил потом: «Чего нашли?» –
В ладонях были зерна перламутра...

В Уяне

Анатолию Ананьевичу Сизых

Нежданный гость уже вторые сутки
хозяином гуляет по двору,
бубнит, бормочет шутки-прибаутки,
в одну, ему понятную, игру
играет он, а вроде занят делом
с утра до ночи, с ночи до утра.
За сутки столько шалостей наделал:
тропу к колодцу превратил в овраг,
наполнил бочки, тазики, ограду,
в саду залил осевший напрочь стог,
не чтоб проехать, а пройти по тракту
проблематично стало без сапог.
Смотрю в окно. Не видно крыш соседских...
Бывают и сильней дожди. Хотя
я не припомню со времен советских
такого неумного дождя.
Набрякли прясла старого забора
и пожелтел меж них зеленый мох...
Неугомонных воробьишек свора
толкается, запрятавшись под стог
и под навес у погребка всей стаей...
Во мгле подвижной дождевой пыли
теснятся на колодине, слетая
почистить перья в пухуне земли.
К обеду потеплело. Солнце, близко
к земле пробившись, уронило жар,
освечивая двор, и низко-низко
по-над землю заструился пар...
И засмеялись индюки в ограде,
заржали кони у солончаков

и, надо полагать, не шутки ради
завыл мотор у пьяных рыбаков.
А дождичек все силился, стараясь
вновь лужи пузырить, плясать в песке,
но луч, меж туч все чаще прорываясь,
сулил конец безделью и тоске
двух дней воскресных. Закрываю книгу
и следом за детьми иду во двор
улаживать дождливую интригу:
Нежданный гость он, все-таки не вор.

* * *

*Ветеранам волейбольной команды
саянских строителей*

Я нападаю: разбег, прыжок, удар!
Вениаминыч выдал пас изящно.
И заработал зал. Двенадцать пар
надежных рук играли в настоящий
великолепный старый волейбол...
Блок. Блокировка. Выше блока «кол»,
Он в «лапы» лег Петровичу в подкате...
Подъем мяча, полупрострел в азарте.
Серёжа! Пас! И снова белый шар
штурмует сетку. Снова передача
на левый край. От блока в сеть удар
не держит бечева... И наудачу
летят мальчишки... Сколько ж надо звезд,
чтоб каждому хотя б одну лелеять?
Игра игрой. Но в жизни так, всерьез
свою игру найти, срастить и склеить
в великой обезумевшей стране,
где десять лет – одни чертополохи...

Но держат мяч на этой стороне
надежно парни... И дела их плохи,
когда они уронят этот мяч!..
И будет фол над нулевой отметкой,
тогда сливай раствор, и плачь – не плачь,
не вымахнуть уже по грудь над сеткой...
И потому азартно и легко
работают мужчины на площадке
(до пенсии не так уж далеко)...
Денисыч! Поднимайся! Всё в порядке!
Не каждому дано так срезать мяч,
не всякому дано вот так резвиться,
лишь только не проспять свой звездный матч!
И все на свете снова повторится...
И город, что построили шутя,
и та страна, что вынесли из ада...
Андреич! Спишь? И снова, не шадя,
в простреле мяч летит, куда не надо,
куда-то по кривой, в тартарары,
уносится в свободное пространство...
Я обожаю риск и постоянство
Мужской по-настоящему игры.

* * *

Сергею Семеновичу Селиванову

Я люблю мой Саянск, в августовские росы одетый,
и весной в ожерелье багульника, добрый, хмельной.
По еловым распадкам, по тропам извилистым летом
я лунатить люблю под большой серебристой луной.

Это звездное небо с Полярной звездой над лесом,
с той надеждой, что льет мне таинственно свет из Ковша...

Я люблю, когда солнышко утром приходит воскресным,
освещая мне комнаты, ласково и не спеша!

И по будням, и в праздники эти знакомые лица,
что приветливым взглядом, улыбкой согреют своей...
И надолго уехав, скучаю. И город мне снится,
город юности, счастья и город надежды моей.

И опять вспоминаю с теплом и надеждою тоже,
как приветливы люди в глубинном сибирском селе...
И когда возвращаюсь, то чувствую: нету дороже
и уютней Саянска на этой огромной земле

Сочи

Юртаевой Н.В.

В дивном парке Ривьеро, где цветы на магнолиях тают,
в направлениях разных, где гуляет туристов толпа,
на аллеях поэтов многолюдно, не зарастает
к ним – певцам и пророкам – живая людская тропа.

Изваянные в камне, у фонтанов диковинных звери
отражаются в глянце цветных лазуритовых плит...
В дивном парке Ривьеро и история царств, и империй
со своими потомками – с нами – опять говорит.
Восхищают виденья и тревожат сознание и память...
И я думаю, глядя с надеждой в людские глаза:
«Сколько надо любви, чтобы стали кавказские дали
так же щедро всегда синевой наполнять небеса?!»

Чтоб холста не хватало на великие эти пейзажи,
чтоб не на войну приходили поэты сюда...
Чтоб какой-то мальчишка в восторге воскликнул однажды:
«Мир прекрасен!», поверив, что мир все ж спасет красота.

Стрижи

Галине Павловой

– В амбразурах счастья быть не может, –
думал я о суете стрижей,
смелых птиц, на ласточек похожих,
виртуозов дерзких виражей.

Маленькая птица вырывалась
из норы, устроенной в стене
над водою. И стрелой взмывала
с силою, неведомою мне.

Но не это привлекло вниманье.
Слишком неприметные они –
истинные божие созданья,
без шумихи, драк и болтовни.

А сегодня стайками зависли
возле норок, бьются и кричат...
Это же они на первый вылет
вызывают маленьких стрижат,

на откос выталкивая смело!
Те же, вниз сползая (вот беда!),
вспархивая робко, неумело,
крутят головенками: куда?!

По откосу в гору? Только где там?
Вниз к воде? Там буруны кипят.
И птенцам осталось только небо,
и они взлетают и ... летят,

зависая над шальной водою,
испытав и первый страх, и риск,
и призывы птиц над головою,
крыльев их бодрящий шум и свист!

И уже почувствовав движенье,
воздух тонким крылышком поймав,
вопреки земному притяженью
врутся вверх, на зов пернатых мам.

Высотенку наскребя, кто где там,
то и дело обрываясь вниз, —
полетели... Известил об этом
их победный оглашенный писк...
Так вот и душа небесной птицей
вопреки житейской суете
взлетов и падений вновь стремится
вверх, к непокоренной высоте!

* * *

Андрею Петруку

Доброй ночи, Америка!
Дня и утра, Россия!
Нет меж нас недоверия,
Есть дожди. И косые,
проливные господствуют...
И под ветер и свист
человечество бодрствует,
человечество спит.
Добрых дел вам и счастья,
доброй ночи и сна.
Человечество счастливо,
если просто весна.

Если просто свобода,
если просто любовь,
если мирно народам,
и не тратится кровь.
Мне сегодня не верится
в настроенья плохие.
Здравствуй, утро Америки!
Доброй ночи, Россия!

Облака

Улетят и мои в небеса журавли,
и когда вакханалий и пиршеств
поутихнет пора, и в подоле земли
умирает листва, как забытые вирши,
я люблю наблюдать, как уносит вода
почему-то у всеми забытого плеса облака.
Ощущать и не думать, куда
канет день, словно осыпь откоса.
И не силясь понять, что движение – связь,
связь мгновения с вечным живая,
просто зреть, как влекомые плавью, искрясь,
облака по воде уплывают.
И уже на краю и надежд, и утех
запылают отчаянным светом,
Прозвенят вдалеке, как девчоночий смех,
и угаснут внезапно, как лето.
Ляжет сизая мгла. Плеск воды и покой.
Будут лишь в подсознании смутно
из глубин моих лет облака над рекой
торопиться в осеннее утро!..

* * *

В детстве, осенью,
только остынет земля
я синицу пытался поймать решетом,
а теперь поумнел
и ловлю журавля.
Смейтесь, если не грустно,
ведь дело не в том,
что не смог журавля
на синицу сменять.
Видно, надо иметь
окрыленность мечты,
видно, вовремя надо уметь и понять
и идти, не застряв
в мелкоте суеты.
Умираем, рождаемся,
плохо живём,
все к чертям зачеркнув,
начинаем с нуля...
И за редкое счастье
над сонным жнивьем
своего мы увидеть хотим журавля.
Чтобы жизнь не прошла стороной в пустоте,
пусть вздуваются жилы,
бушует, шаля,
кровь...
Спешим, тянем душу к звезде,
только б не упустить
своего журавля!

ВАЛЕНТИНА ЕГОРОВА

Родилась 21 октября 1936 года в Воронежской области.

Окончила Иркутский медицинский институт. С 1982 года живет и трудится в Саянске.

Работала в городской больнице, профилакториях «Улан» и «Кедр».

Валентина Кузьминична – отличник здравоохранения, автор трёх сборников песен «Я иду по Саянску» и двух песенных сборников «С песней по жизни». Доктор Егорова сейчас на заслуженном отдыхе.

Дети войны

Сколько дат юбилейных мы прожили с вами?
Сколько было невзгод? Сколько горя и слёз?
Только матери знают, как теряли любимых,
Трудно очень нам всем в этой жизни пришлось!

Разве можно забыть те лепёшки из мёрзлой картошки?
Колоски собирали, саранки копали и ели ботву от свеклы,
Ходили босыми, писали на старых газетах,
На портфели для многих шли из старой рогожи мешки.

Пережили мы всё, но здоровье своё потеряли.
Всё сказалось на нашей судьбе,
Но мы выжили без наркоты и запоев,
Воспитали детей, помогали родимой стране.

Жили все мы достойно и скромно.
Забывая себя, помогали другим.
Славы, почестей громких себе не просили,
Вот и вспомнили поздно о том, что есть дети войны!

Только помнить обиды – не наши манеры,
Должны жить в роли сильных бойцов,
Ходить в школы, знакомить с историей внуков,
Чтоб достойно продолжить дело наших отцов.

Наш Саянск

Ты родился весной,
Наш любимый Саянск, –
Город строек, заводов и песен!
Город нашей мечты
И отважных людей,
Для которых домашний мир тесен.

Припев:

Город наш, город таежный,
Ты живи и расти сыновей,
Чтобы не было дней,
Дней тревожных
Для тебя и России моей!

Ты пока небольшой,
Нет на карте тебя,
Но не в этом, конечно, проблема.
Я хочу, чтоб ты жил для страны и людей,
А до зрелости
Есть еще время.

Припев:

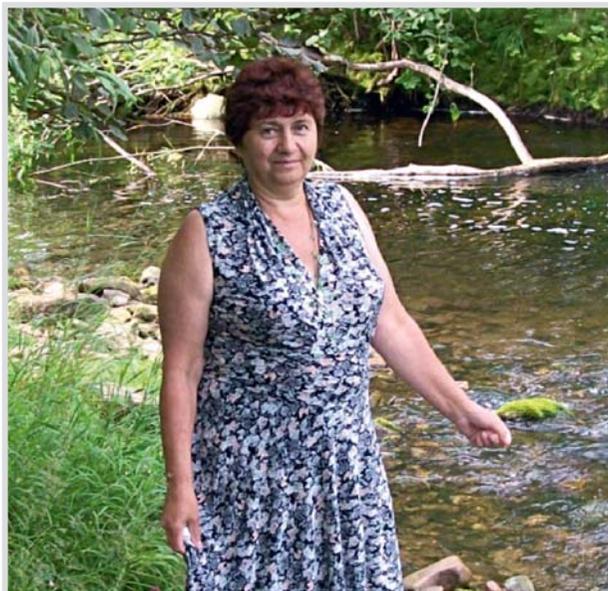
Город наш, город таежный,
Ты живи и расти сыновей,
Чтобы не было дней,
Дней тревожных
Для тебя и России моей!

И уверенно лес раздвигая,
Ты растешь в ширину,
В высоту,
Мы хотим,
Чтобы город наш вечно
Воплощал красоту и мечту.

Припев:

Город наш, город таежный,
Ты живи и расти сыновей,
Чтобы не было дней,
Дней тревожных
Для тебя и России моей!

НАДЕЖДА ЁЛКИНА

Родилась на шахте Делюр (д. Щеглаево) Заларинского района, там же училась в школе, затем в связи с закрытием шахты семья переехала в село Карымск Зиминского района. Школу окончила в 1970 г. в Забитуе Аларского района.

После окончания института иностранных языков в Иркутске год работала в Забитуйской средней школе. С 1976 по 2013 год преподавала в поселке Ручей, что в Усть-Кутском районе.

В настоящее время живет и работает в Саянске.

Две женщины

Когда взошла звезда моя,
Когда ребячьи игры бросил,
Подруг-соперниц встретил я:
Одна – весна, другая – осень.
    У этой – льётся синь из глаз,
    Та – чернотой бровей дурманит.
    Кто не обманет, не предаст
    И лаской в пропасть не заманит?
Чарует в этой гибкий стан,
Та – манит нежностью неспелой.
Одна – грешна, как сто путан,
Чиста другая юным телом.
    Но кто, попробуй угадать,
    Из них нежнее сердце носит?
    Кому судьбу свою отдать?
    Ведь обе требуют! Не просят!
Одна – лучом сиять велит,
Другая, как чумою, косит!
И обе – дочери Земли:
Одна – весна, другая – осень.
    И много месяцев уже
    Сомненья разрешенья просят,
    Все те же женщины в душе:
    Одна – весна, другая – осень.

* * *

Собачка моя – с рукавичку,
А голос – на десять собак!
Хоть ростом она невеличка –
Во двор не войдёшь просто так.

Я очень люблю свою Тузьку,
Делю с ней общенье моё.
Теперь кто попробует пусть-ка
Обидеть меня! Иль её!

* * *

Поугасли все страсти,
Приутихли волнения,
Я с соперницей бывшей
У колодца стою.

Говорим про погоду,
Про целебную воду...
Мы мудрей и добрей
У судьбы на краю.

* * *

Твоя любовь как острый нож,
Как огненный торнадо,
Как в жаркий день горячий дождь...
И мне такой не надо.

Меня пугает твой накал,
Страстей гремящих буря,
Ты не злодей, но ты – нахал!
И от тебя уйду я.

...Ты опоздал. Уж не спасёт
Твой тон – спокойный, нежный...
Но кто тогда мне принесёт
Под Новый год подснежник?!

О папе

Воскресенье. Выходной. Значит, папа дома.
Значит, в лес пойдём вдвоём по тропе знакомой.

Вместе выследим в лесу зайца или волка,
Я из леса принесу маленькую ёлку...

Ёлочка издалека машет мягкой лапой,
Подарили мне щенка, только жаль – не папа.

Только жаль, что у меня папы нету вовсе,
За окном идёт весна, а за летом осень.

В одиночестве моё протекает детство,
Он гуляет во дворе с тёенькой соседской.

Папу папою зовёт эта Танька-вредина,
По соседству он живёт. С папою – соседи мы.
Таньку дразнят во дворе конопаткой рыжею,
Папа стал жить в сентябре этажом повыше.

Как две капельки воды с папой мы похожи,
Только он проходит мимо просто как прохожий.

Да и в классе у меня пап почти что нету.
К Вовке ходит на полдня, принесет конфету,

Сводит в зоопарк, в кино, покупает сливы...
Вовка в остальные дни тоже несчастливый!

Чтобы у меня был папа с нами, а не выше,
Я бы даже подружился с вредной Танькой рыжей!

Белка

Мечется на ветках белка –
Завела в дупле побелку
И уборку заодно...
В общем, всё в дупле вверх дном.
    Вытрясать половички
    Белке помогли жучки.
    Вычистить углы от пятен
    Взялся старый добрый дятел.
Чтоб не волновалась белка
(Вещь нелёгкая – побелка!),
Подарили пауки
Натяжные потолки
    И ещё из паутины
    Смастерили ей картины.
    Бурундук с большой любовью
    Клеил белочке обои.
Зоркий глаз, мудрец-орёл
Электричество провёл,
Чтоб соседку радовать
Подарил ей радио.
    Прилетели пять сорок
    Белке выкрасить порог,
    Краску принесли в лукошке
    И покрасили окошки,
Чтоб порядок был повсюду, –
Перемыли всю посуду.
Развесёлые бобры
Белке выткали ковры.
    И в дупле у белки той
    Всё сияет чистотой!

Из прошлого

Из прошлого опять
Плывет навстречу мне
Отцовский взгляд и мать в пальто
Давно немодном,
И бабкин медный крест,
И фото на стене,
Госзайма облигации в комод.
Из этого далека таким пахнёт теплом!
Уютом детства, слов душевной темой,
Что не сравнить с некрашеным полом
Евроремонт и видеосистему.

Моя неверная подружка

Моя последняя подружка –
Речушка с тихой водой,
Нередко вечерами дружно
Беседовали мы с тобой.
Не знаменита, неизвестна,
Путей не знаешь до морей,
Как Елисеева невеста
Спишь у семи богатырей.
Всю осень широко зевала,
Отдавшись холодам во власть.
Под плотным снежным одеялом
На зиму снова улеглась.
Моя неверная подружка
Запраталась под лед, во сны,
А мне скучать всю зиму нужно
И ждать... и ждать приход весны!

Напрасно

Уж августа приметы –
Цветёт листва берёз.
Последний месяц лета
Мне писем не принёс.
Их не было в июле,
Не будет в сентябре.
Твой голос не разбудит
Как раньше, на заре.
Рябины гроздьё мокнут,
Цветёт берёз листва,
В разлуке не помогут
Напрасные слова.
Чуть дни мои украсив,
Исчезнешь на века.
И буду понапрасну,
Забывшись, окликать.

Общий вагон

Общий вагон. Поезд семьдесят два.
Я с миром опять не в ладу.
С пеной у рта качаю права
За полку в верхнем ряду.
За окнами – мирное поле и лес,
А здесь – не на шутку бой!
Но наш проводник по-английски исчез,
И мы воюем с тобой.
Воюем за право ехать вверху,
Чтобы никто не мешал,
Под голову бросив на рыбьем меху
Шубу и старую шаль.
И в этот раз мне пришлось уступить
Желанную цель. И вот

Себе в утешенье решаю купить
Замысловатый кроссворд.
Сижу с умным видом. Задачки крепки!
Ловлю любопытный взгляд:
Сосед, ожиданиям вопреки,
«Добыче» своей не рад.
Вот ведь мизантроп! Но я зла не держу,
Попробуем мирно дышать.
– Давай подвигайся, – ему скажу, –
Вместе кроссворд решать.
Теперь с умным видом вдвоем сидим,
Опять удивляя народ,
То сами решим, то в ответ подглядим,
И время быстрее идет.

Улетело лето красное

Улетело лето красное,
Вспоминаю море синее...
Ах, какие ночи страстные
Назывались твоим именем!
Ах, какими были жаркими
Ночи южные, холодные.
Согревались души чаркою,
Друг от друга несвободою.
Вспоминаю, сидя в поезде,
Взгляд зеленый, брови рыжие.
Все семейное, спокойное
Было южным солнцем выжжено.
Вспоминать совсем не вправе я,
Как ему обеды стряпала...
Мне осталась фотография,
Да и ту подальше спрятала.

АЛЕКСАНДР КАШИЦЫН

Александр родился 31 декабря 1948 года. Когда он был еще десятиклассником, в областной газете впервые опубликовали его стихи. С этого времени взялся за литературное ремесло всерьез. Учился в Пермском университете, институте водного хозяйства, Литературном институте.

В Саянске прожил более двадцати пяти лет. Работал слесарем, мастером и прорабом на строительстве.

В 1993 году вышел его сборник «Слепой поводырь», в 1995 году – составленный и отредактированный им альманах «Серебряный Саянск», затем – литературно-художественный детский альманах «Свободная тема».

В 2005 году появляются сигнальные экземпляры «Ковчега» – наиболее полного сборника стихов поэтов Саянска.

Александр Александрович переводил «Слово о полку Игореве» и избранные сонеты Шекспира.

Александр Кашицын являлся составителем, литературным и техническим редактором периодического гимназического альманаха «Окно», где печатались стихи одаренных детей. В гимназии № 1 им. В.А. Надькина вел факультатив «Практикум поэтического языка», занимался редакционно-издательской деятельностью.

Скончался 1 ноября 2007 года.

* * *

Нет, милая, спасения в обмане!
Есть от росы серебряный рассвет,
рождающийся в утреннем тумане,
а остального не было и нет.

Все остальное чувствуется смутно!
Откуда и пришло оно – бог весть?
Ты посмотри, какое нынче утро!
Единственно, что было и что есть!

Пока в лесах торжественная скука,
пока не грянуть птичьим голосам
прислушайся, ведь не было ни звука,
и все же эхо бродит по лесам.

То наши души все свое пропели
во мраке полуночной тишины
и на мгновенье в утренней капели
на исчезанье сделались видны.

Но веруя в обманы осязаний,
рукою запоздалой их не тронь.
На исчезанье все. На исчезанье!
Раздвинешь пальцы – да пуста ладонь!

* * *

Кончилось лето уже,
похолодало до срока,
в опустошенной душе
холодно, чисто, далеко.

Не находя рубежа,
дна, высоты и предела,
не беспокойся, душа,
тем, что ты так опустела!

Не дожидайся с утра
ни суеты, ни азарта,
нынче уже не вчера,
но ведь еще и не завтра.

Перед дорогой присядь,
горстью попей из колодца...
Все повторится опять
и никогда не вернется

то, что уходит спеша,
взору представши едва лишь...
не беспокойся, душа:
ты туда не опоздаешь!

* * *

Между землей и небом,
кроме глотка воды,
кроме горбушки хлеба
нету ни в чем нужды.

И в опустевшей роще
среди осенних дней
это гораздо проще,
это куда видней.

Хлеб убирают с нивы,
хлещет вода в песок –
значит, и будем живы,
значит, не вышел срок.

Мы и его дождемся,
хлебом, травой, дождем
тысячу раз вернемся,
тысячу раз уйдем...

Ну а пока что веруй
в то, что не скрыть от глаз,
ибо все это в первый,
да и последний раз...

Ветер, прогнавший тучи,
слезы не стер со щек.
Что же тебя так мучит?
Что же тебе еще?

* * *

Спасибо, что судьбой к тебе заброшен,
и ты, мне милосердье оказав,
не пристрелила загнанную лошадь,
увидев жеребеночье в глазах.

Спасая наши души от разлада,
нам в эту ночь досталось на двоих
великое паденье снегопада,
безгрешного, как помыслы твои.

Едва возникнув, слово замирало,
не в силах объяснить тебе и мне,
что, полуобозначившись, мерцало,
в такой непостижимой глубине

или звездой по небу летело,
и на нее смотрели не дыша
извечные враги – душа и тело,
соединившись, тело и душа.

В какие их пространства уносило?
В какие заповедные края?..
За все, что оказалось им по силам,
благодарю, хорошая моя!

* * *

К горизонту, на подъем пологий,
в сумерки, неведомо куда
человек уходит по дороге,
а над ним вечерняя звезда.
Человек уходит, чтобы к сроку,
как бы ни был путь его тяжел,
подойти к какому-то порогу
и сказать: «А вот и я пришел!..»

Там его единственное место,
маета его и благодать,
там и тот, кто, крикнув:
«Наконец-то!..»,
поспешит скорее отворять...

Он небритый, но необходимый,
в горле ком проглотит как-нибудь...
«Где же ты так долго был, родимый?» –
«Это я к звезде искал свой путь!»

И звезда та станет зоревая,
притушив сияние свое,
может быть, о том подозревая,
что достиг он именно ее.

* * *

Предошущение любви
приходит, поздно или рано,
но ожидающим вдали
предошущением обмана.

В трех соснах не переплутать,
хотя, вот именно, – под осень
всего сильнее тянет взять
и заблудиться между сосен,

не опасаясь, как-нибудь
одним движением неловким
очарование спугнуть
очаровательной чертовки,

за колдовским сияньем глаз
пойти и сгинуть в глухомани...
И, может быть, в последний раз
удостовериться в обмане.

* * *

Снег уходящий снегам запорошить...
С ликом неоновым чище, чем снег,
помилосердствуйте ставить на лошадь –
загнана лошадь и кончен забег.

Не совершайте, сударыня, промах,
сдуньте с прищура упрямую прядь.

Следует загнанных на ипподромах,
чтобы не мучились, перестрелять.

Это они – фавориты в усердье –
вышли до срока, но кончился срок...
По аутсайдерам, как милосердье
сдуньте с прищура и троньте курок.

А «приведен в исполнение» штемпель
грохнет копытами свежий табун.
В сбруе трибун улюлюкает шенкель,
дыбом становится шерсть у трибун!..

Если ж последнюю этой оравы
духу не хватит прикончить – свою,
лучше пустите на вольные травы –
вольные травы целебны зверью.

* * *

Ну, что же, милая? Пора!
И челядь мебельная бдяще
следит за тем, чтобы игра
не стала чем-то настоящим.

Пора слепым поводьям,
ведущим к пропасти друг друга,
во всем доверившись дверям,
уйти из замкнутого круга,

где мы недвижны и немые,
и нелюдимо, и неловко,
как будто челядь при ней мы,
а не при нас та мебелировка...

А за окном, в финале дня
твои влюбившиеся сестры,
шалые головы сломя,
напропалую гаснут звезды.

Еще до Страшного суда
за все свершенное в ответе
они погаснут без следа
неосторожные, как дети.

А мы, весь вечер просидев,
свои порывы подытожим,
в квартиры собственных судеб
вернувшись мебелью все той же,

где столько лет уже подряд
спиной чувствую сутулой
такой отчаяннейший взгляд
перепросиженного стула.

* * *

Давно оттанцевала на балу,
но все еще, глазищи свои целя,
является: «Я рана. Я болю.
Ты обманулся – я не панацея!»

И в самом деле, свыкнуться пора
с тем, что она тревожит неустанно,
Бог весть, уже с каких позавчера,
Казалось, зарубцованная рана.

И инвалид скрипит зубами, хоть
волком вой, от боли сатанея:
его несуществующая плоть
с годами все больнее и больнее...

Мне кажется, я жив, наоборот,
пока она болит во мне, сквозная.
Приникнув к ней, и вижу наперед
и знаю то, что даже сам не знаю.

В такую пропасть запросто упасть,
хоть все моря на свете поколенны,
коль губит человеческая страсть
любить, очеловечив, манекены.

Ах, Галатеи из папье-маше!
Я сочинял вас, не ища поживы,
но вы грозите вслед моей душе
за то, что на мгновенье были живы.

И в левой стороне груди порез,
и встречные персты влагают в рану,
и нету счастья, если в стельку трезв,
тем более его не видно спьяну...

То суета бездельничанья дел,
то свист в лицо, а то соблазн оваций,
то встретишься, с кем вовсе не хотел,
так и не встретив,
с кем хотел встречаться.

Но в том еще прекрасная юдоль,
что, выпрямив крутые повороты,
ко мне она является: «Я боль,
какую б чушь, мой милый, не порол ты!»

* * *

Минуй тебя чаша сия –
бессонниц тревожные ночи,
и жуткой тоске одиночеств
дырою в тебе не зиять.
Минуй тебя чаша сия.

Минуй тебя беды. И пусть,
когда наступают обиды,
да будут они истребимы!
Ты все-таки счастлива будь.

Какие порой холода!
Душа каменеет ледышкой,
а если ее и отдышит,
то только твоя красота...
Минуй тебя зло и беда.
А встреченная любовь
пусть будет высокой и чистой!
Мы так от нее беззащитны,
не надо б тебе эту боль...
Храни тебя люди и Бог.

Наш мир обнаженно раним.
И если уж чем-то спасаем,
то только такими глазами,
а ты состоишь лишь из них.
Господь же тебя сохрани!

Удача досталась не мне,
я мимо пройду... Бога ради
пусть будет счастливый избранник
за избранность счастлив вдвойне,
за то, чтобы ты не могла
холодных печалей изведать...
Минуй тебя всякие беды,
дай Боже любви и тепла.

Сотри случайные черты!..
Александр Блок

В пучине лет попутал черт:
основ взыскующим пророком,
стирая грим случайных черт,
я стер и лица ненароком.

Я стер случайные черты,
но траекторий не сличая,
вслед за падением звезды
другая падает случайно.
Случайно падает звезда
к усилям жалкого кретина
над реставрацией холста
под гениальной картиной...

Остановиться бы пора,
но чиркни бритвочкой едва лишь,
как через холст сквозит дыра,
в которой инквизитор клавиш

клоки седеющих волос
над ресторанным фортепьяно
сплетает с дымом папирос,
а между столиков и пьяных

всегда трагически одна,
дыша туманом и духами,
случайна девичья спина
своим извивом эпохальным.

* * *

В твое еще не послезавтра
в моем уже позавчера
и запоздало, и внезапно
я до тебя дошел с утра.

Но за рождественскими снова
моя вечерняя звезда,
так пробирают до озноба
уже Крещенья холода.

Замерзли псы, но слез не слижут,
храня хотя б в ледышках слез,
их обманувшую неподвижность
внезапно падающих звезд.

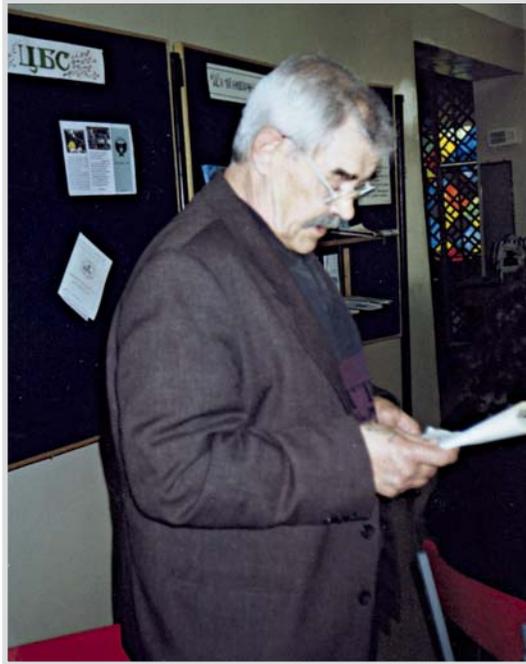
Непоправимы псов потери,
однако слез собачьих льды
хранят не память о паденье,
а о сиянии звезды...

Оставь другим, ты им не пара,
не уподобившись и впредь,
моя вечерняя, не падай,
сияй, пытаясь отогреть.

Последним перышком верблюду
сломавши все-таки хребет,
не падай! Будь подобна чуду!
Пускай твердят, что чуда нет!..

Пусть не вздохнет душа устало
о том, что знала наперед:
«Ну вот. Еще одна упала...
Куда их, Господи, несет?..»

ВАДИМ КИКИРЕВ

Кикирев – профессиональный водитель, за два десятилетия проехал Сибирь, Чукотку, Колыму.

Стихи посвящал друзьям, хорошим людям, природе, Родине, которую любил.

Вадим Алексеевич – автор двух поэтических сборников: «На старой стоянке» (издан в Магаданской области в 1993 году), «Пятая сторона света» (Саянск, 2000 год).

Регулярно печатался на страницах местных периодических изданий.

Вадим Кикирев скончался 30 июня 2008 года

Они звенят в тебе

Порою чувствуешь – прекрасно!
А вот попробуй-ка, запой.
Но вдруг они приходят властно,
неотвратимо, как запой.

Они сияют, как вершины...
Ты лишь пиши, пиши, пиши,
когда волнуются глубины
твоей разбуженной души.
Тогда не надо много думать
и что-то, тужась, сочинять,
они звенят в тебе, как струны,
их только надо записать.
Какая дивная отрада
насквозь пронзит тебя на миг.
И силы Рая или Ада
ума вращают маховик.

* * *

Неожиданна черная весть
среди ясного неба чукотского,
словно чья-то нелепая месть:
больше нету Володи Высоцкого!
Огорошила, смяла, смела...
Как же так? Ведь недавно мы слушали,
и веселою песня была,
когда правил он тройкой над кручами.

Пошевеливал лихо кнутом,
зорко целился в дебри болотные,
и на самом верху, на крутом
почему же вдруг встали, залетные?

И не стронет их с места рука,
не потянется, к струнам привычная...
Неужели теперь навсегда
забодает нас песня «приличная»?

Только ты непривычные пел,
Издевался, шутил да насвистывал.
Дураков и ханжей не терпел,
не боялся их сплетен и выстрелов.

Милый сын нашей русской земли!
Как старатель, ты мыл ее золото,
Гнал сквозь бури свои корабли.
Не поэтому ль сердце расколото?
Пел о том, что у многих болит,
защищая нас песней крылатой.
Знаю,— звери завоюют навзрыд,
ты последним их был адвокатом.

Над чукотскую тундру тишь,
слышу я, что ты кем-то не признанный.
Только в сердце моем ты стоишь
рядом с Пушкиным, даже не изданный.

На старой стоянке

Вот и снова меня судьба
привела на стоянку эту.
Здесь у каменного столба
вспоминал я далекое лето.

Как давно он прошел, тот дождь,
что в палатку гудел, как бубен,
и смотрел я, скрывая дрожь,
как твои улыбались губы.

Ты была молода тогда,
да и я был, пожалуй, молод...
Здесь от прошлого нет следа –
в дикой хвое лишь мрак и холод.

Накатила на сердце грусть,
как осенняя непогода.
Десять лет я писал свой путь
гусеницами вездехода.

Улетела в другой простор
и, наверное, вышла замуж...
Десять лет я берег костер,
где золы не осталось даже.

* * *

То песня,
то всплеск весла,
то ветер пройдет осокой,
то крик на краю села
взлетит над рекой широкой.
То ястреб взмахнет крылом
и сгинет меж сосен сонных,
то катер стальным углом
как кит проутюжит волны.
То девочка на мостках
помашет и мне, и лодке:
И радость в ее глазах,
и щедрость ее в походке.
За плечи б ее обнять,
коснуться б волос руками,
и, за руку взяв, бежать
за белыми облаками!

Пронесит меня река
мимо лесов, обрывов.
Девчонка
издалека
все еще так красива!

Ну, разве не чудо – жизнь?
Зной глаз и лесов прохлада,
И глубина,
И высь.
Чего же еще мне
надо?..

Камнига

Лежит недочитанной книгой
в далеком моем далеке
таежный поселок Камнига,
поселок на Маме-реке.

Гольцы неподвижно и строго
застыли над Мамой-рекой,
в верховьях крутые пороги
тревожат таежный покой.

Сияньем прекрасного лика
над временем встала она,
моя незабвенная Вика
(она на Камниге жила).
Чуть старше, а может, моложе,
но все же меня поумней,
поэтому память дороже
и благодарней о ней.

Смыкал я усталые вежды,
шумела от дум голова:
к чему мне пустые надежды,
одетые ветхо слова.

Я помню, как тихо и страстно
мне Блока читала она,
как было все это опасно,
ведь Вика – чужая жена.

И гладил я тонкие пальцы,
к горячим губам прижимал.
– Не надо, не надо, мой мальчик...
И голос ее затухал.

Во взгляде печальная ласка
запомнилась мне навсегда.
Как все это было прекрасно!
Но звали меня поезда.

Последняя встреча на Маме,
пожатье холодной руки.
последними были словами:
– Пришли мне, мой мальчик, стихи.

Лежит недочитанной книгой
в далеком моем далеке
таежный поселок Камнига,
поселок на Маме-реке.

* * *

Все лето качались горы
над маленьким вездеходом,
проехали мы на котором
через леса, через воды.

Все лето была ты рядом,
бессонность моих ночевок,
тебе говорил я взглядом:
ты – лучшая из девчонок!

Студенточка-недотрога!
Улыбка твоя, как чудо,
и если бы был я богом,
то отдал тебе все руды.

Еще подарил бы речки
и песни воды кипучей,
и золото на колечки,
и лиственницы на круче.

Срубил бы тебе зимовье,
Чтоб было на юг оконце.
Ты стала б моей любовью,
моим одиноким солнцем.

Не сбывься, однако, чуду,
не стать мне таежным богом.
Простым человеком буду,
пойду по земным дорогам.

Мы «поле» закончим скоро,
замерзнет вода на Кэне.
Вернешься ты в волжский город
на белых, как снег, оленях.

Привыкнут седые звери
к местам, где ковыль и клевер,
но ты прилетишь, я верю,
за сказкой на Крайний Север.

Дождик

Хорошо, когда в брезент дождевики
мелкой дробью сыплют по ночам...
Дождик – сила, дождик не снежинки,
дождик, как тяжелые ботинки,
по кустам, по веткам и по мхам.
Дождик по лицу, как чьи-то руки,
ласковые, теплые ручьи.
Чьи-то руки, дождик, чьи-то руки...
Не могу припомнить только чьи?..

* * *

Сочится в памяти украдкой
сомненья ядовитый сок,
И манит белою палаткой
вновь Крайний Северо-Восток.

Его оставив за собою,
не мог я знать еще тогда,
что сердце взвояет по Сугою,
когда искринкой голубою
сверкнет вдали его вода.
Вода кипучая и злая,
глухое каменное дно,
деревья с берега у края
глядятся с ужасом в него.

Когда-то там, в дремучих дебрях,
писал я грустные стихи
о девушках и о деревьях,
о тайных северных поверьях,
о злобной ярости стихий.

Легко ходилось и дышалось,
мечталось, грезилось, спалось,
зайчонок лето кувыркалось,
не ведая, что есть усталость
и грустный цвет седых волос.

Лихие наши километры
на топкой кальке улеглись
без вьюг, без дождика, без ветра,
и нет ни вешки, ни приметы
о том, какой была там жизнь.

Нагрянет прошлое порою –
Желанный, но незванный гость,
протянет скаредной рукою,
чтобы лишить тебя покоя,
той, прежней жизни пепла горсть.

Сочиться будет старой раной,
А важным станет и пустяк:
ее улыбка и рюкзак
за облаком с каемкой рваной
летающих крыл прощальный знак.

* * *

Что было близко – стало далеко,
что было ясно – еле различимо,
и оттого, быть может, так легко,
что прошлое уже невозвратимо.

И оттого, быть может, грустно так,
что прошлое уже не повторится,

смешно, порой, что в сорок лет чудак
еще мечтает заново родиться.

Смешно и грустно, только все равно
уже не будет худшего ненастья.
Я лишь до слез жалею об одном,
что не дарил я матери на платья.

Еще жалею, что ненастным днем
не вышел в лес, что клев проспал на зорьке,
что мирно жил, что не был под огнем,
рубль за кино не отдал другу Борьке.

Все стало зыбким в дальнем далеке,
туманнее, медлительнее, мельче.
Так пароход проходит по реке,
проходит и становится все меньше.

«Берлога»

Там просто нальют тебе стопку,
не спросят – откуда такой?
И будешь качаться, как пробка
с такой же веселой толпой.

А здесь с полудикой собакой,
которой не спится, как мне,
стремлюсь, чтоб не выть и не плакать
на свет, что сияет в окне.

Зайду в эту, боже, «Берлогу»
до полночи за полчаса,

на старого тихо и строго
взглянут медведицы глаза.

Расскажем друг другу печали,
которые мнут и гнетут,
про то, что приснилось вначале,
но что не сбывается тут.

Пошарю по рваным карманам,
по кафелю рубль зазвенит,
как дальний привет Магадана,
как грешной судьбы дефицит.

Куплю, если в силах, чекушку,
в медвежьи глаза улыбнусь
и, ручку пожав молодушке,
благословясь, уберусь

на улицу, полную вьюги,
и холод прижмется к виску,
с собакой в убогой лачуге
разделим печаль и тоску.

На реке

Вечор гнездилось солнце в тучах,
а ночью страшный ветер дул
и сосны над речною кручей
качал и гнул, качал и гнул.

Река под кручей бушевала,
катила черные валы.
Река, она о чем-то знала...
Был слышен крик из черной мглы.

Как будто там, в водоворотах,
на помощь чей-то голос звал...
Но все катил недобрый кто-то
за валом вал, за валом вал.

А утром тихо, словно в храме,
под синим куполом небес
и в идеальной панораме
застыл над плесом тихий лес.

Неслышно воду пил теленок.
Неслышно солнышко взошло.
И ветерок, словно спросонок,
вдохнул неслышно и тепло.

ОЛЕГ КУЗНЕЦОВ

Родился в 1946 году, 25 февраля, в Красноярске, в семье военнослужащего и учительницы.

Окончил одиннадцатилетку, работал в депо станции Красноярск. После службы в армии поступил в красноярский педвуз, но, не окончив его, уехал преподавать в сельской школе в ныне Тверскую область.

В 1974 году поступил в Московский заочный педвуз с выпускной специальностью «учитель рисования и черчения».

В 1980 году переехал в Саянск, работал на «Химпроме», вёл проектно-художественную группу, участвовал в литобъединениях.

* * *

Среди загадок в божьем свете
Вопрос, понятный только нам:
зачем несущейся планете
следы бегущей по волнам?

Над бездной волны гасят ветер,
и льётся свет иных миров,
а в незнакомом силуэте
обводы чайных клиперов.

Инстинкт, постигнутый прочтением,
он не исчезнет никогда,
свершить своё предназначенье —
прорыв в неведомо куда.

Но смысл великого искусства
в желании себя загнать
меж одержимостию чувством
и невозможностью познать.

* * *

Попробуйте,
Выдавлив пасту из тюбика,
Втиснуть её обратно!
Эта задача не легче, чем
дряхлая квадратура круга.
Судьба гранёного кубика —
Устраивать судьбы людям.
Мне легло гранью
Решать квадратуру круга
В размазанном состоянии
Пасты, выдавленной из тюбика.

* * *

По перекатам, по перекатам,
Завалам клятым,
проклятьем взятым
Пройдёт не всякий, пройдёт не всякий.
Нам с неба – манна,
Идём по Мане,
Как пробку в ванне
Кидает плот.
Мы не Кон-Тики,
Наш способ дикий,
И десять брёвен,
Как эшафот.
Пойди, попробуй.
Здесь надо в оба,
Когда несёшься
На поворот.
Как щепки брёвна,
И ты, как клоун,
С каната наземь,
В водоворот.
Но если выплыл –
Как Роджер вымпел,
Тайга на выбор,
Ты строишь флот.
С лица ты пот стёр,
И как компостер
Загнав топор в плот,
Ушёл вперёд.

* * *

Плывут акварели Чурлёниса –
Листы из намокшего оникса.
Прошедшее не восстановится,
Другие круги на воде.

А в прошлом и вечном немислимо
Построить осенними листьями
Причалы разрушенной пристани
С мечтой о не найденной истине,
О кобальте – сквозь ощущение,
Об ультрамарине прощения,
О звуке, живущем сомнением,
О цвете холодных зеркал.

Ты выплачешь всё песнопением,
Любимым воздашь за терпение,
За прожитый миг озарения,
За муку и радость призвания,
За осуществлённость желания,
За пропасть и немощь познания,
За Богом положенный срок.

* * *

Коль скоро время нам подходит
Для чистки памятных оков,
Кто ищет, тот всегда находит
Своих некованых подков.

И мудрости размер стабилен,
Над зеркалами не ропщи,
Он – есть количество извилин,
А не количество морщин.

За исполнением назначенья
Лежит несбыточности тень,
В холодном призрачном теченье
не возвратим ушедший день.
За темпом поиска ответов
В дежурном взятии креста
Растёт, растёт предел поэтов
На вечном уровне Христа!

* * *

Когда нам останется очень немного,
когда сквозь заботы покой нас найдёт,
в сандалях, обутих на босую ногу,
к нам память о детстве тихонько придёт.

С собой принесёт она старую кепку
и солью посыпанный чёрный ломоть,
Гудки паровозов и копоть по снегу,
по лозунгам красным – крестную щепоть.

К нам память придёт голубым и зелёным,
и красным и чёрным, над медностью труб
горластых оркестров, и тихостью звонов
пустых колоколен, и сухостью губ.

Открывши комод, извлечёт осторожно,
положит на стол, в полировке скользя,
то фото, с лицом, что забыть невозможно...
Забыть невозможно, а помнить нельзя.

Она принесёт и разложит пред нами
всё то, что найдёт, вспоминая любой,
всё то, что в колени наплакано маме,
всё то, что потом становилось судьбой.

Ах, лишь бы не поздно! И чтобы не праздно
вошла в бескорыстный и праведный смысл
в усталом прозренье звучащая разنو:
то больно, то сладко щемящая мысль.

Мы родом из детства, и всё, что случится,
что детям и внукам настанет потом, –
уменье любить и способность влюбиться
придут к ним оттуда, и с теми, и в том...

* * *

Имён значенье – вложенный посыл
Или судьбы шифрованные знаки?
Звучанье сфер, распределение сил,
На небесах заключенные браки.
Звук имени – какое волшебство!
Такая ненависть или любовь такая!
Назначенность – природы мастерство,
Естественность гармонии простая.

Не спорьте. Ею определено
И кровь на золоте, по чести – эполеты,
Но лишь одно прекрасно и темно:
Как Юлия становится Джульеттой

* * *

Есть в памяти моей река...
В холодных струях спит рука.
В тени деревьев, за рекой,
живёт не раненый покой.
Там, за рекой, дерев в тени,
текут не прожитые дни.

Там, за рекой, в тени деревьев,
звучит забытый мной напев.
Там на траве лежит роса,
журчат родные голоса.
Там эхо музыки в лесах
и синь в промытых небесах.

Я знаю, в рощах, сквозь туман,
там не грозит тупой обман.
В тени, под сенью, вновь и вновь
живёт любовь и ждёт любовь.
Под деревьями, на века,
река течёт, течёт река.

На мной обжитой стороне
мне снилось счастье в добром сне.
Сквозь жизнь, летящую пока,
над взглядом плавают рука.

Но лодки нет на берегу.
И я бегу... бегу... бегу...

Гроза

Проходит лето. Облаками
И полновесными листьями
Одеты в рощах дерева.
Вот полдень. Редкими словами
Идёт обмен. Едва-едва...
Едва-едва раскрыты губы,
Полдневный жар невыносим,
И пустота, и жажда с ним...
Темнеет вдруг, и зной – на убыль,
И крик души исторгли губы,

И шквал. Средь мрачной пустоты
Потоки слов:
– А ты!..
– А ты!
Гроза – господнее прощенье,
Души и сердца очищенье,
Потоки вод, и слов лавина,
Все чувства настезь!
Половина
Души на лезвии ножа...
Но стих поток. И, чуть дрожа,
Повисла капля.
В центре лета гроза прошла.
Пройдёт и это!

А. Знаменскому

Кто Вы такой, Художник?
Жизни своей заложник?
Смерти своей должник?
Верующий или безбожник?
Тьма или света блик?
Кто Вы?
Пророк иль зеркало,
Что за холстом померкло?
Кто из штрихов глядит?
Вслед за иглою зрения –
Тонкая нить прозрения,
Истины тонкая нить,
Жажда, глоток, причастие
И ощущение счастья!
Спасибо, художник Саша!
Ответы – беда не Ваша.

СНЫ

Матушке моей

Улица моего старого городка мощена была камнем. Ездили по ней до шумных машин конные повозки да телеги, даже коровы ходили. В качестве озеленительной красоты и защиты от пыли, по сторонам росли тополя и узенькие полоски акаций, отделявшие от мостовой тесный тротуар. Дорожка была покрыта окаменевшим трескающимся асфальтом, налитым когда-то давно вдоль неровного ряда разнообразных деревянных домов и заборов с воротами чёрного, выгоревшего на солнце, дерева, никогда не знавшего краски. Улица упиралась в перекрёсток. За перекрёстком лежала площадь. Там до поздней осени жил цирк шапито. Брезентовый шатёр был огорожен ящиками для костюмов, декораций и прочего циркового реквизита. Сложенные друг на друга ящики не могли служить преградой нам, местным мальчишкам. Мы тайком забирались на самый верх и, распластавшись на ящиках, чтобы снизу не увидели цирковые, в просветы под брезентом часами смотрели представления. Голодные, уставшие от впечатлений и опасности, разбегались мы по домам.

Вот тогда-то, шлёпая босыми ногами по горячим от солнца буграм и влажным трещинам старого тротуара, я с изумлением понял, что твердь знакомой дорожки живёт своей, неизвестной мне жизнью. Ещё вчера (я точно помню!) это место на асфальте было ровным, в крупных, отмытых дождями песчинках. Теперь здесь образовался бугор с крестообразно наметившейся трещиной. Под окаменевшей поверхностью что-то проснулось. Какая-то, неведомая мне, таинственная подземная сила жила и шевелила асфальт.

С этой загадкой я пришёл домой и маялся с ней до вечера. Ночью мне снились маленькие подземные жители, которым жизненно нужно было выбраться на спасительную поверхность. Снился капитан Немо и «Наутилус», всплывающий во

льдах. Снились таинственные, неизвестные мне и науке существа, готовые наладить контакт с человечеством.

Назавтра, забыв о снах, я унёсся смотреть цирк. И только возвращаясь по дорожке, остановился у асфальтового бугра, который вырос, обозначив раскол из четырёх кусков. Сгорая от предчувствия неведомого, я опустился на колени и, царапая пальцы, с помощью толстой ветки выломал один кусок. Под ним виднелось белое и мягкое тело. Я потрогал пальцем. Оно не шевелилось. Лихорадочно, стараясь не поранить существо, я выломал остальные куски. Передо мной был гриб! Слегка расшатав, я довольно легко вынул его из заточения: шляпка размером с чайное блюдце, снизу пластинки нежного, белорозовой сирени оттенка разбегались солнышком, прикрытые надорванной мною пеленой. Забрав гриб, я шёл домой, пытаюсь осознать случившееся. Как возможно и какой силой нежный и хрупкий гриб смог выдавить и проломить слой каменного асфальта толщиной в три моих пальца! Дома, приняв находку, мудрая моя мама сказала, что гриб называется «шампиньон», что мы его немедленно пожарим с картошечкой, что это замечательная добавка к нашему небогатому послевоенному столу. Пока жарилась картошка, мама, будучи учителем математики, пыталась объяснить мне физику явления. Я не понял да, наверное, и не хотел тогда понять. Доедая картошку, я думал о справедливости. Меня вполне устраивало мое – волшебное и чудесное – представление о случившемся. Как здорово, что живой, мягкий и светлый гриб может одолеть каменный и тёмный асфальт! Кстати, и теперь, имея учительский опыт, я кое в чём придерживаюсь своих детских взглядов! А шампиньоны люблю и считаю самым добрым и вкусным компонентом грибной жарехи! Да и вообще справедливость любому блюду придаёт свой неповторимый аромат. Жаль только, что всякому добру в этой жизни есть антипод. Вот и у шампиньона есть своя бледная поганка!

АЛЕКСАНДР КУРМЕЛЬ

Родился 9 марта 1972 года в селе Сорты Заларинского района. Окончил школу № 2 в Саянске, а в 1993 году – Саянское медицинское училище по специальности «фельдшер».

С 1995 года работает на «Саянскхимпласте». Женат, воспитывает сына Богдана. Стихи пишет с 2001 года.

* * *

Октябрь расширением вселенной
Поднялся над тобой, тих и глубок...
Освободившись будто бы от плена,
Он суетное лето превозмог.
И покидая обречённых души,
В небытиё срываются листы,
Обрушивая ветхие мосты,
Предоставляя только слушать,
Возможно, чей-то высший шёпот,
Быть может, просто шелест пустоты...
Но это недосказанное что-то,
Скорее – ты.

* * *

Склонясь, высокою тоскою,
Так, ни о чём скорбит, скорбит
Луна над странным над тобою,
и ворон в тишине молчит,
блуждает вечер тенью чуткой,
листва ложится на покой,
и кто-то в телефонной трубке,
молчит над хрупким над тобой.

* * *

Остановилось время в травах,
Кустах, деревьях, днях, канавах.
Оно состарилось незримо
У наших ног, бегущих мимо.
Его дыхание замерло,
Осталось лишь сердцебиенье.

Остановился ветер в ивах,
В глазах печальных лиц красивых,
И в воздухе окаменелом
Слепой художник пишет мелом,
Его дыханье замерло,
Остались лишь воспоминанья.

Остановился луч багряный,
Живой, смиренный, покаянный
И больше нет ни слёз, ни страха,
Лишь только сон органной Баха,
Его дыханье замерло...

* * *

Оркестр разноликий
Играет эту мглу,
И я – одна из скрипок,
Звучащая в углу.
Мне ничего не нужно,
Но суждено играть
Печально и натужно
И в ноты попадать.
Но дирижёр не виден,
Лишь палочка одна
Плетёт безмерной нитью
Рисунок полотна.
И я изнемогаю,
Не зная, почему
Нужна от нас такая
Мелодия ему.

* * *

Я живу как будто просто,
Я живу, как трижды три,
Но случаются погосты
Вне меня и изнутри.

Я не делаю страданья,
Только, Боже, посмотри:
Ты вручил мне мирозданье,
Не вместимое внутри.

Где тоска обосновалась
Больше, чем на раз, два, три...
Не виновен я, но каюсь,
Разрываясь изнутри.

* * *

Встречать рассвет, провожать закат,
жить у самого синего моря,
не считать ни прибылей, ни затрат
и ни радостей знать, и ни горя.

Коллекционируй камни, собирай ветра,
будь уверен в собственном бессмертье,
но когда уходить наступит пора –
знай, что тебя там встретят.

А пока сей сады, двигай горы,
возлюби людей, изучи их лица,
и никогда не ищи той опоры,
что не позволит тебе быть птицей.

Мантра

Будь спокоен, будь спокоен.
Этот мир не нами скроен.
Путешествуя по джунглям:
По камням, снегам и углям,
Что вилами по воде –
Мы везде и мы нигде –
Никогда, ничем расстроен,
Будь спокоен, будь спокоен.

Страх безмерно многослоен.
Не пугайся, будь спокоен.
Беспробудным сновиденьем
Все надежды и сомненья.
Все ручьи сольются в реку,
Все часы стремятся к веку.
В суете – немногословен,
Будь спокоен, будь спокоен.

В пекле мира, в мире войн –
Не от мира, будь спокоен.
Где прекрасное – с весною,
Где костлявая – с косою.
В бой бросаясь, наблюдая,
Как воскреснешь, умирая.
Всё – во всём, оно – такое.
Будь спокоен, будь спокоен.

Разбиваются устои –
Всё не вечно, будь спокоен.
Сосны слушаются ветра,
Кровь пульсирует из центра.

Лист, плывущий по течению,
Не готов к сопротивлению.
Не грусти, так мир устроен.
Будь спокоен, будь спокоен.

Бренным телом подневолен
И судьбою, будь спокоен.
Путь, ведущий ниоткуда,
Приводящий в никуда,
Существующее чудо
Здесь находится всегда.
Несвободою – свободен,
Будь спокоен, будь спокоен.

Декабрём смертельно болен,
Уходящий, будь спокоен.
Это кажется, что страшно,
Тьма – нежна, она однажды
Возвращается без цели,
Согревая в колыбели.
Быть нигде, никак – достоин.
Будь спокоен, будь спокоен.

* * *

Мой зрачок отрешён,
не понятен, и даже смешон.
Он скользит по предметам,
которых нельзя ощутить.
Ни молчать и нельзя говорить,
даже думать об этом,
там, где «ты – это то»,
там, где нечто уходит в ничто.

Так всегда происходит,
что безгрешную воду коробит
наше тихое слово о ней,
как и наше тупое молчанье.
И вскипает она от отчаянья,
чтоб разбиться о груды камней
очерствевшим дождём,
и вернуться к себе, в чернозём.

Что-то бьётся вот здесь,
но не знает, зачем оно есть –
и блуждает уставший зрачок,
и врезается муха в стекло –
ум, поймавший себя на крючок,
налегает плечом на весло,
и сгущается мрак,
просто так...

* * *

Вот он хлеб,
вот вода
и звезда,
таймер в семьдесят лет,
есть билет
в навсегда.
Всё – из вечности в вечность,
через всю человечность
через бесчеловечность.
Поезда,
поезда
никуда.

* * *

Уплыли уличным портвейном
сухие в зное вечера -
висок отчаянно лелеет,
что было будто бы вчера.
Ушли шаги, следы остыли,
сиротством тропы поросли,
мы были, мы когда- то были,
и незаметно мы ушли.

Но как светили нам созвездья,
и сердце трепетало в ритм
неповторимым летним песням,
и тайнам жаждущим своим.
Стучали тайною колёса,
хмелел заманчиво апрель,
и знаком красного вопроса
стелила осень нам постель.

Звенели зимние бокалы,
и новый век сулил мечту,
и то, что тайной увлекало,
ловили будто на лету.
И за счастливое незнанье
платили кровью и огнём
лихих ночей недосыпанья,

КОНСТАНТИН МАКСИМОВ

Родился и живет в городе Зиме. Он – лауреат областной конференции «Молодость. Творчество. Современность», автор поэтического сборника «Ассоциации» (г. Саянск). Его повесть «Газ» вышла в сборнике «Антология прозы двадцатилетних» (второй выпуск, издательство «Лимбус»).

Также Константин печатался в журналах и альманахах «Юность», «Новая Юность», «Иркутское время», «Зеленая лампа».

Некоторое время работал в газете «Приокская неделя» репортером. С 2012 года – активный участник фестивалей поэзии на Байкале.

Прогулка

Вдоль вереницы грязных гаражей топали Петька и его лучший друг Михаил Полеев и от нечего делать часто курили. Захотев курить, Петька просто протягивал руку, а Михаил Полеев подпрыгивал и доставал для него очередную сигарету из пачки, чуть волнуясь, впрочем, так как сигареты кончались. Топая за Петькой, Михаил Полеев щупал пачку в кармане и размышлял:

– Говорить Петьке о сигаретах или не говорить? И сказал бы давно, если бы в дороге они разговаривали.

Но всю дорогу они топали молча и совсем не разговаривали. Петька привычно молчал, а Михаил Полеев не решался заговорить и вздыхал. Терзался, посматривал на Петьку, разговаривал с ним внутри себя, а Петька бодро топал на два шага впереди, курил, смотрел вперёд и периодически совсем забывал про Михаила Полеева. Думал о своём, о делах. Потом вспоминал: «Тут же мой лучший друг – Михаил Полеев!» – протягивал руку, брал сигарету и снова забывал.

Михаил Полеев обречённо семенил за ним и смотрел уголками глаз по сторонам. Местность была безлюдная и убогая – представляла собой, соответственно, коридор из ржавых гаражей. Гаражи тянулись уже минут двадцать, а за гаражами мелькала стихийная помойка. Воняло дымом. От видов местности Михаилу Полееву было совсем не по себе. Он тяжело вздыхал, смотрел по сторонам и морщился при виде нечистот, валяющихся то тут, то там. За двадцать минут они встретили лишь ораву детей, прыгающих по кучам опилок, и старика с ведром. А гаражи всё тянутся и тянутся, уже и полчаса прошло!

Петька широко махал руками – шёл всё бодрее и быстрее, стремился к цели, будто всё ему легко и ни по чем, а Михаил Полеев сжимался, уставал и отставал от Петьки всё дальше и дальше. Михаилу Полееву было тяжело и жарко, неудобно. Ему казалось, что на прогулках принято смотреть друг на друга,

общаться, разговаривать, смеяться, обсуждать события и обмениваться ментальной энергией – так время проще скоротать до бутылки, но время текло тяжело и монотонно, так же как шёл Михаил Полеев, смотря то на широкую спину Петьки, то под свои ботинки. А хмурые гаражи всё тянутся и тянутся, конца не видать. «Наверняка в этих гаражах хранятся автомобили... Сесть бы на автомобиль, включить радио и поехать с ветерком!» – мечтал Михаил Полеев и улыбался, представляя, как бы было хорошо. Петька бы сидел за рулём, а Михаил Полеев был бы уже выпивши... Вдруг Петька остановился, обернулся, подождал, пока дойдёт Михаил Полеев, и твёрдо сказал:

– Ща улица начнёт, на ней моя бабёнка живёт. Надо раздельно идти нам, а то она меня возьмёт и не выпьем. Я сейчас пойду, а ты минуток через пять тоже пойдёшь. Ага? В конце улицы тогда встретимся и всё.

– Что «всё»? – аккуратно спросил Михаил Полеев.

– Всё, дальше пойдём.

И посмотрел пристально.

– Ах, хорошо, – сказал Михаил Полеев.

– Ну, стой тут и жди, потом иди.

– Хорошо, – пробормотал Михаил Полеев.

Михаил Полеев остановился, а Петька потопал дальше, завернул за один из гаражей и исчез.

Михаил Полеев остался один в незнакомой неприятной местности, где могут шататься подростки и извращенцы – в гаражах случаются страшные события, жуткие находки порой находят, трупы находят. А рядом ещё и помойка.

Задумчиво вытащив пачку из кармана, Михаил Полеев обнаружил, что сигареты кончились. «Как так случилось? – удивился Михаил Полеев – Я трогал пачку в кармане, вытаскивал сигареты и давал Петьке, а сам не заметил, как пачка кончилась». Размышлял о том, что сигареты кончаются, а они действительно кончались, сам и не заметил. «Ну, ладно! Надо идти. Нужно Петьке сказать, что курево купить надо, мы курим много, надо поменьше курить». И Михаил Полеев пото-

пал следом за Петькой, вспоминая, как болел когда-то туберкулёзом.

Завернув за гараж, он преодолел заросли полыни и оказался на длинной улице деревянных избушек. В воздухе витала пыль и летали зелёные мухи, из глубин доносилась музыка. Михаил Полеев осторожно потопал вдоль заборов, посматривая на обшарпанные лавочки, а в голове его рождались мысли: «Сесть бы и посидеть, а лучше лечь и полежать, подремать. Но необходимо идти – стремиться вперёд, невзирая на усталость! Надо себя преодолевать!»

Доносились громкие кашель и скрипы, с одного двора вышел мужик с собачьей головой и, пройдя мимо Михаила Полеева, исчез. «Так, значит, здесь живут люди?» – подумал Михаил Полеев, хоть это было понятно. Надо сказать, он уже плохо соображал от жары и усталости. Ноги болели и топали медленно, а улица всё тянулась и тянулась – за домом выросстал следующий дом, одинаковые деревянные заборы слились в один. «Ох, поскорей бы выпить!» – думал Михаил Полеев. – «Поскорей бы напиться до потери чувств, до забытья, и упасть куда-нибудь, хоть прямо на землю. Валяться на земле и спать, спать пьяным». И сам испугался своих мыслей: «Нет, не обязательно очень напиваться, конечно. Просто выпить рюмочку или пять водки или спирту – неважно чего, только бы поскорее. Ох, помоги мне, Господи!»

Михаил Полеев захотел устремить глаза в небеса, но, подняв лицо, увидел, что впереди осталось избушки три, а улица кончается. Это его очень обрадовало и взволновало – взволновав, придало свежих сил, и ноги потопали быстрее. Где-то за последним домом его должен ожидать Петька, который поведёт его в хорошее место, где они выпьют. Осталось чуть-чуть. Вот улица кончилась, черед избушек осталась за спиной. Михаил Полеев вышел на огромный городской пустырь. Петьки не было. Михаил Полеев вертел головой, размышляя: «Как же так, где же Петька?! Мы же договаривались... Что же делать? Я не знаю, куда идти, я тут никогда раньше не был, я тут ни-

чего не знаю, я тут никого не знаю, я весьма растерян, я весьма паникую! Где же Петька? Петьки нигде нет...» Да, Петьки не было. Был лишь городской пустырь, уходящий вдаль серой безжизненной дырой.

Михаил почувствовал, что остался один, идти ему без Петьки некуда. Внутри всё увяло, опустилось и оборвалось. Тело согнулось, руки свесились, ноги подкосились, лицо потемнело, глаза обезумели. Солнце скрылось за тучами – налетел ветерок и поволок пыль, бумажки, пакеты. Впереди простирался безбрежный пустырь с волнами грязной травы. Пустырь волновался. Миша тоже волновался и вертел головой. Никого вокруг не было. «Что же это?» – думал Миша, закусив губу, – «Что же теперь?»

– Эй, ты чего стоишь?! – услышал он женский окрик.

Огляделся и увидел стоящую у деревянного вагончика девушку, а вагончик торчал в яме, сразу и не заметишь. Миша побрёл в сторону девушки, и, подойдя ближе, увидел, что это не вагончик, а местный магазин. Девушка у вагончика была полноватая и милая, с маленькими, почти незаметными чертами лица. Она курила.

– Здравствуйте, – сказал Миша.

– Ага, тоже здравствуй, – сказала девушка.

– А можно ли зайти? – спросил Мишенька.

– Покупать будешь?

– Боюсь, что нет. Деньги остались у Петьки, – печально ответил Мишенька.

– Если без денег, чего тогда заходить? – нахмурилась девушка.

– Может быть, Петька пошутил и у вас спрятался? – игриво спросил Мишенька.

– Давай, мужик, топай отсюда! Нет тут никакого Петьки и не было! – визгливо и очень громко крикнула девушка.

– Вы очень красивая, – осторожно сказал Мишенька, подходя поближе.

– Давай-давай, проваливай! Ноги в руки и пошёл дальше!

Мишенька смиренно качнул головой и отвернулся. Посто-ял, переминаясь с ноги на ногу. Поджавшись, присел на кор-точки и на корточках, словно гусёнок, повернулся к девушке. Девушка курила и грозно смотрела сверху на Мишеньку, будто хотела ударить ногой, но поняла, что он совсем безобиден.

– Вы очень красивая и симпатичная, – пролепетал Ми-шенька.

– Ладно тебе, – смутилась девушка. – Всё равно уходи, за-мужем я.

Бросила бычок, сплюнула и убежала в магазин, громко хлопнув дверью.

Мишенька подтянулся к магазину, привстал и заглянул в окно, но ничего не увидел, так как висели занавески. Заходить нельзя, заходить ему не разрешили. И спросить сигаретку он не решился – не успел. Мишенька вздохнул. Оставалось одно – продолжать шагать прямо, в неизвестность, так как дорогу назад Мишенька уже и позабыл. К тому же дорога назад виде-лась такой долгой и невыносимой, что, вспоминая, Мишенька мотал головой.

Впереди огромной серой пустотой зиял пустырь. Ветер ши-роко гулял по нему и колыхал траву. Пустырь дышал, пустырь звал. Мишенька сделал шаг, второй, третий, прошёл незримую черту, и вот он уже топает по пустырю, впереди – размытые городские дали. Волосы и одежды Мишеньки трепещут, ветер бьёт в лицо, а ноги путаются в траве и тонут в рыхлой земле. Мысли в голове дикие, отчаянные и возвышенные. Птицы кри-чат и кружат над головой. И представлялось Мишеньке, будто идёт он по вольному русскому полю, идёт долго, и нет нико-го на белом свете, он один остался. И топает Мишенька, куда хочет: хочет – налево, хочет – направо, хочет – прямо, толь-ко не назад. А кругом пустырь, то есть поле. Великое русское поле! Поле колыхается травой и раскачивается перед глазами – качается, качается, уходит вбок и внезапно опрокидывается вертикально. Мишенька лежит на земле и думает: «Вот какой день! Вот какой я! Вот какова жизнь! Всё приходит и уходит,

всё уходит и приходит! Как одиноки люди! Как одинок мир!
Как одинок я! Небо течёт, вещество плывёт. Надо идти, надо
спешить. Ничего больше нет, всё растворилось во мне, надо
только не забыть про глаза, не мертвить глаза, надо пускать
жизнь в глаза». Всё растворяется. Очнулся Мишенька от холо-
да, лёжа на сиденье в салоне автобуса.

Пассажиров больше нет, лишь водитель в кепке обречённо
крутит баранку и смотрит на дорогу в свете фар. Глухо звучит
шансон. Равномерно гудит мотор, а за окном – тёмная ночь,
горят редкие огни – где едет автобус, непонятно. Мишенька
сонно повертел головой. Он не помнил, как оказался в автобу-
се! Ведь денег у него нет, и ведь не пьяный. «Ну, хорошо. Буду
ехать. Уже не пропаду», - подумал Мишенька. Решил припод-
няться, но усталость нахлынула волной, и он, обняв сиденье,
снова уснул.

Объявление

Я парень красивый, молодой –
При встрече, внешность вас поразит.
Слежу за спортом и за собой,
Но я – никчемный паразит.
Да! Я – никчемный паразит!
Но этим прославился и горжусь!
У меня нет головы (в связи
с чем я ни на что не гожусь),
Но у меня две левых руки
И два живота с обеих сторон,
Вокруг роем вьются мотыльки,
И весь барак в меня влюблен.

Главных моих достоинства два:
Вопреки отсутствию головы

На месте сохранены глаза
И шея – вместо печной трубы.
Имею чудесную родословную –
Дедушка, дядя, отец и брат.
Жилплощадь – главное условие
Для всех, вступающих со мной в брак.
Мой телефон простой –
Большой и раскладной.
Мой адрес в Интернете:
«Город Горбунск, Альфонсову Пе(й)те».
Очень жду.
Буду иметь всех ввиду.
Пришли свою фотографию
И эпитафию.

P.S. Желательно в лучшем наряде...
Еще лучше – спереди и сзади...

АЛЕКСАНДР МАРКЕЛОВ

Родился в 1952 году в поселке Куйтун Иркутской области. Окончил Московскую академию труда и социальных отношений, Иркутский институт инженеров транспорта. Энергетик. Экономист-социолог.

Рассказы и стихи неоднократно публиковались в областных и региональных газетах. Живет и работает в Саянске. Делегат I Съезда писателей Иркутской области 2008 года.

Александр Маркелов – автор книг «Шаги по родной земле», «Я родился для радости», «Времена года», соавтор литературных сборников «Ковчег», «Саянские эскизы», альманахов «Саянск» и других изданий. Обширна также библиография его публикаций в областных и региональных СМИ.

Август золотой

Солнце и поле под синевою
С золотом спорят. Над тихой рекою
Медные сосны – вечным покоем.
Август.
Рожь.
Алое платье на зелени сосен
Ветер полощет, с колен отбросив, –
Молнией гибкой
Из лета в осень
Ты идешь.
Синее небо и золото солнца!
Сердце обвалом вдруг остановится:
Взгляд твой шальной словно пропасть раскроется,
В душу мою навечно войдет,
Как нож.
Желтое поле и васильки!
В волосы цепко вплелись колоски,
Друг друга ища, обвилились две руки.
Их странный союз
На дикий пожар
Похож.
Прохладою тянет от тихой реки,
Уныло кричат над водой кулики,
Под пеплом в ознобе дрожат угольки.
Костер догорает.
Кончился август...
Что ж?!

* * *

Вот точно так же будет и у нас:
Ты на себя потянешь одеяло,
А месяц желтый в этот поздний час
Заулыбается ехидно и устало.

Что? Все закончилось? Так просто? Я не тот?
Кивнешь ты молча, глаз не открывая,
И пальцы – в кулачки, и искривленный рот,
И по щеке – слеза, опалово сверкая.

Холодный ужас сердце обожжет:
Так просто кончилось, что славно начиналось...
Ты помнишь мельницу и черный небосвод,
И запах донника, и томную усталость?

Ты помнишь? Был пожар, и теплый ветер был,
И ночь уже в свои права вступила,
Взлететь хотелось! Сколько ж было сил!
Неужто жизнь все это погасила?

Июнь

Медово-горький аромат рябины,
Зеленый сад и капли за стеклом.
Как хорошо усесться за столом
Глаза в глаза с тобою, друг мой милый!

А кисть цветущая в промокшее окошко
Стучит: «Открой, давай поговорим!»
Мой милый друг, ты чаю завари...
И подождем... Пусть постоит немножко!

О чем ты думаешь, зеленоглазый друг?
Ну что ты так загадочно вздыхаешь?
С улыбкой подбородок опускаешь
В ладони мягкие о стол упертых рук.

Запахнет упоительно чайком,
Хорошим чаем – «слоником» индийским,
Давай его разбавим коньяком,
И станет мир вокруг родным и близким!

Наш домик дачный вовсе не богат,
Пусть мы неважные с тобою агрономы,
Звучит в душе мотив такой знакомый:
«Я Вас люблю». Что делать? Виноват!

Мой сын растет

Сыну Алеше

Березы. Вечер. Лето. Воды сверканье. Комары.
А за рекою бродит эхо,
На берегу, взрываясь смехом,
Визжат девчонки. Шум игры...
И мальчик карими глазами
Глядит на реку в первый раз!
Он у воды в восторге замер,
Набравши камешки руками,
Сейчас швырнет!.. Сейчас!.. Сейчас!

Бросает мальчик камни в реку,
В глазах лучится карий цвет,
Мой сын смеется звонким смехом
И вместе с ним смеется эхо.
Растет мой сын, мой ясный свет!

Апельсины и снег

В новогоднюю ночь люди долго не спали,
На усталую землю падал медленный снег.
И на этом снегу апельсины лежали –
Два оранжевых солнца, излучающих свет.

– Там замерз человек! – все истошно кричали.
– Там, внизу, под балконом замерз человек!
А на свежем снегу апельсины лежали –
Два оранжевых солнца, излучающих свет.

– Он ведь к дочери шел, – все тихонько шептались,
– Вот ведь как! Ни за что – и пропал человек!
А на белом снегу апельсины остались –
Два оранжевых солнца, излучающих свет.

В эту шумную ночь люди долго не спали,
Перед утром на землю падал медленный снег.
Из застывшей руки апельсины упали –
Два подарка для дочери тихо канули в снег.

Январь – музыка зимы

Вот и звонкий январь прилетел
В новогодье еловых ресничек,
Сине-звонкий и хрупкий, как мел,
Снег и россыпь лимонных синичек.

И зима словно стала добрей,
Будто в воздухе слышатся скрипки,
И на важных больших снегирей
Невозможно смотреть без улыбки.

Утро розово-сонно встает,
Не спеша потянувшись. Светлеет.
Новый год на дворе. Новый год!
И душа от восторга немеет.

Тонкая музыка января! Она едва ощутима особенным нежным звоном. Будит она странную легкость в душе, будто приподнимает над землей. Нет, это скрипки поют в сердце томительно и нежно, словно зовут неизвестно куда. И еще колокольчики – маленькие такие, серебристо звенящие на фоне скрипок. И впрямь словно замороженная и вдруг оттаявшая музыка Чайковского! Еще долго будет зима, но какое-то ощущение предвесенья уже витает в воздухе. Со всем невесомо, но отчетливо. По сравнению с тяжелым сонным декабрем, придавившим душу, январь выглядит нарядным щеголем, с легкой грустинкой, впрочем. Он украсил себя яблочно-толстыми важными снегирями и россыпью лимонно-синих хлопотливых синичек. Хрусткий снег, повизгивающий под ногой на морозце, розовое утро – позднее и ленивое, острый и колючий ветерок, покусывающий то с одной, то с другой стороны, – все это январь. Красивый синий месяц, месяц надежды на обновление. Январь – музыка зимы!..

Март

В старом скосившемся доме
Печь навевает тепло,
Темень весенняя стонет,
Влажно теснится в стекло.

Вот зашуршало. По крыше
Грудюю снег понесло.
Чу! Под застрехою мыши!
Значит, приходит тепло!

Ветер шумит осторожно,
Капли тревожно стучат.
Ночью уснуть невозможно,
Это рождается – март!

Как все же нехотя разворачивается, оживает март! До половины месяца, наверное, холодно. Хочется тепла, а резкий ветер остужает твои обманутые ожидания. А затем как-то сразу увидишь, что на лыжах выходить уже поздно. Снег раскис и стремительно начал оседать, темнеть, стал совсем-совсем влажным. Ночью вдруг соскользнет с крыши, с шумом поползет и рухнет вниз отяжелевшая гряда. И всю ночь будет что-то скрестись и шуршать под застрехою. По сравнению с февралем небо почти весь март белесое, как макушка у мальчишки-первоклассника. А ночью, и к утру особенно, может такой морозец завернуть, что хрустит, как стеклянный, ледок под ногой, крепко щиплет щеки, да так, что и зимой не всегда такое ощутишь. Влажность-то уже весенняя, вот и переносится плоховато. И в самый конец марта, в мой день рождения, как неприятный подарок, обычно намерзает толстый грязный лед – скользкий, острый и противный. А еще и снег понесет – крупный, липучий, косой снег. Совсем-совсем зима опять. И снегири даже откуда ни возьмись налетят стайкой, облепят голый черемуховый куст. Надоело жить в холоде! Ну, еще немножко – и пойдет, понесется весна-матушка. Наступит пора апреля.

Апрель

Снова апрель
разбросал золотые монетки
В лужах холодных,
И с льдинками их размешал.
На островах
краснотала ожившие ветки
Я из окошка автобуса,
Вдруг на Оке увидал.

Вот и тепло!
И опять оживает природа,
И горожанки...
Им зимние шубы тесны!
Вечер как сталь!
Желтый месяц на край небосвода
приколот,
словно на занавес синий весны.

И вот он, апрель – время стремительно набирающей силу весны! У нас это особенно ощущается. Только что был холодноватый март. И вот уж летит-летит весна спеша, наверстывая своё, законное. На островах по Оке отогрелся и ожил краснотал, светит вишнево большими купами. И березняки забусели, зарумянились ветвями. Дни настали теплые, размягчающие душу. Долой шапки! Долой платки! А дышится во всю силу легких, мощно да свежо. Вечером на темно-синем небе висит месяц нереально отчетливый. Он словно вырезан из золотого картона и приклеен к небу. А вокруг звезды как гвоздики золотые. И долгая заря подсвечивает снизу чуть розово, будто в странном небесном театре. В эти часы вновь ощутишь бодрый такой холодок – апрельский. Но только до утра! А утром снова торжество солнца, которое рассыпается своими лучами по лужам, словно сеет золотыми монетками. Пошла наша Весна!

На окне (воспоминание)

Детство мое, ты в окне
Розовым таешь ледком.
Помню, сижу на скамье,
Кружку держу с молоком.

*

Бабка у печки стоит,
И хлебный дух на весь дом.
– На, вот, внучок, – говорит, –
калачик тебе с угольком.

*

Радио там на стене
Черной тарелкой висит,
То запоеет о Кремле,
То о труде загалдит.

*

А на полатах вверху,
лук золотой перевит.
И самовар на столе,
Уж добродушно сипит.

*

Там на окошках герань,
Тронешь – запахнет листок!
И занавеска над ней,
Будто девичий платок.

*

Детство мое, ты со мной,
Ты до сих пор у окна!
Стал я давно уж большой,
Да память, как видно, одна.

*

В ней до сих пор на стекле
Розовый лед, как пожар.
Паром пыхтит на столе
Наш золотой самовар.

АНАТОЛИЙ НЕСТЕРОВ

Родился в 1952 году в городе Копейске Челябинской области, литературным творчеством занимается с юных лет: пишет стихи, сочиняет прозу, интересны и его живописные работы.

Публиковался в газетах Урала, Сибири, Дальнего Востока, в журнале «Сибирь», городских газетах Усолья-Сибирского, в литературно-художественном альманахе «Огни Ангары».

Награда

Вернулся из военкомата,
Костыль поставил у стола,
На бабушку глянул виновато:
Мол, вот такие, мать, дела!..

Ему бы грудь расправить надо,
Соседей кликнуть из окна –
Ведь как-никак, а все ж награда
Ему сегодня вручена!

Нашла, нашла медаль солдата,
Сквозь толщу лет его нашла!..
...Вернулся из военкомата,
Костыль поставил у стола.

Сидит старик, спина – горою,
Морщины горькие у глаз.
А бабушка смотрит на героя,
Как в день знакомства
В первый раз.

Подранок

Брел я как-то утром ранним
Вдоль реки к себе домой,
вдруг гляжу – сидит подранок
В двух шагах передо мной.
Улетели до метелей
Стаи птиц давно на юг,
Только он с дробинкой в теле
Здесь остался среди вьюг.
И сидит он, не боится,
Чистит перышки об лед.

Подошел я молча к птице,
Поднял на руки ее.
А подранок несмышленный,
Свесив мертвое крыло,
То на мир глядит влюблено,
То в глаза мне – тяжело.

* * *

Стелилась наземь холодом заря,
Кончался день, искрясь в лучах заката.
Два маленьких, два серых воробья
В моем саду ютились виновато.
А я стоял немного в стороне,
Бросая им с ладони крошки хлеба.
Трещал мороз. И было ясно мне,
Что воробьям сейчас не нужно неба.
Покинув чащи леса и луга,
Устав от холодов и горькой доли,
Они клевали крошки в двух шагах,
Как будто сами жаждали неволи.

* * *

Все, что в жизни ни случится,
В том спешим винить судьбу,
И никак свою горчицу
Я с куска не соскребу.

Сам придумал, сам готовил,
Сам намазал на кусок,
На судьбу грешить не стоит,
Коль советом пренебрег.

Сыпал сахара побольше,
А не поровну всего,
Но горчица только горше
Становилась от него.

* * *

Не видел я, как мама умерла,
Приехал я домой, но было поздно.
Белым-бело черемуха цвела,
А в небе перемигивались звезды.
И я, нарвав черемухи букет,
Проплакал у могилы до рассвета...
Мать умерла. Прошло немало лет,
А я все не могу поверить в это.

* * *

Костра взлохмаченная грива
Роняла теплый яркий свет,
Кружились искорки игриво
И, канув в ночь, теряли след.
А степь кричала птицей где-то,
Шептались травы на ветру,
Ночная песнь созвучий лета,
Летела к нашему костру.
А мы с тобой под звуки песни
У всей природы на виду
Искали в дикой звездной бездне
Свою заветную звезду.
Звезду любви, что в час разлуки
Могла бы нам напомнить вновь
И эту ночь, и эти звуки,
И нашу светлую любовь.

Ведь порою и в снежности
Есть любовь и тепло.
Расцветают подснежники
Непогоде назло!

* * *

Покидаю свой город,
Уезжаю в село,
Где гусак под забором
Важно чистит крыло.
Где трава у порога
Да поленица дров,
Где, ни мало ни много,
Пара сотен дворов.
Что мне блага прогресса,
Если вянут сады?
А ведь хочется леса,
Родниковой воды!
Как же вышло так, братцы?
Небылицу – да в быль!
Пыль прогресса над Братском,
Над Чернобылем пыль!
«Хватит, люди!» – кричу я,
Хоть кричать не привык,
Но в сумятице буден
Таёт жалобный крик.

Почтальонка

Она в войну носила похоронки,
Совсем еще молоденькой была –
Нелегкая работа почтальонки
На плечи ее девичьи легла.

Из дома выходила утром ранним,
Надев пиджак погибшего отца,
Шла по деревне. Затаив дыханье,
Ее встречали бабы у крыльца.

Сердца полны надежды и печали,
Тревоги в их глазах отражены –
В деревне очень часто получали,
Тяжелые послания войны.

Рыдали сестры, матери и жены,
И вместе с ними плакала она,
Та девочка – одна из почтальонов,
В чьи сумки горем вылилась война.

Теперь девчонке той за шестьдесят,
Немало бед ей выпало на долю,
Но тяжесть тех страданий и утрат
Так и лежит на сердце вечной болью.

* * *

– Много жить мне или мало? –
Прокукуй, кукушка, мне!
И она закуковала
В предрассветной тишине.

Уже зорька розовела,
Разливаясь по лугам,
А она все пела, пела
Песню жизни по слогам.

И стоял я на опушке,
Откровенья не тая,
Мне была та песнь кукушки
Слаще трелей соловья...

АНДРЕЙ ПУТИНЦЕВ

Родился 29.10.1991 года в Саянске. Окончил гимназию № 1 в 2003 г. с золотой медалью. Учился в юридическом институте Иркутского госуниверситета. Продолжает учебу в магистратуре БГУЭП, там же преподает.

Печатался в местной прессе – газетах «Саянские зори», «Новые горизонты», журнале «Саянск», поэтическом сборнике «Саянские эскизы», в областных изданиях – газетах «Восточно-Сибирская правда», «Копейка», «Ангарское время», журнале «Сибирь», сборнике «Война. Взгляд из XXI века» и журнале «Пирамида-Махіма» (г. Обнинск).

Андрей – участник областных конкурсов «Молодые голоса», «Звучащее слово», конференции «Молодость. Творчество. Современность», всероссийских интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?», «Своя игра», брейн-ринга.

На Оке

Журчит Ока на перекатах,
Еловый лес на берегах,
А у моста сидят ребята:
Кто босиком, кто в сапогах.

Под их замороженным взглядом
Качают волны поплавки.
Вдали плеснуло. Ближе... Рядом!..
И неподвижны рыбаки.

И вот поклевка! Леска бьется!
И, от восторга трепеща
И обмирая (вдруг сорвется?!),
Из речки вытащил леща!..

Загомонили хором, дружно.
Завидно стало. Ну, так что ж,
Леща поймать – уменье нужно,
Ведь лещ – это тебе не ерш.

Завечерело. Луч заката
Скользнул по замершей реке.
И манят:
– По домам, ребята! –
Огни Саянска вдалеке.

* * *

Осень. Город почти что спит,
За мучительный день натружен,
Колыбельной беззвучной ритм
Убаюкал под настом лужи.
Город может побыть собой.

Миг свободы. Мы все уснули.
Сновиденья бредут толпой
По расслабленным нервам улиц.
И одно вдруг зайдет ко мне
И оставит в подарок крылья:
Я увижу Иркутск во сне –
Тот, который ты мне открыла...
Все окончится с нотой зари.
Утра ритм и злее, и резче,
И асфальт, как гитарный гриф,
Ждет удара по струнам трещин.
Я проснусь. Но сквозь сна пелену,
Не отпущен истомой ночью,
Буду помнить я тот поцелуй
Под приснившейся нам луною.

* * *

Тихо тают лунные тени,
Утро медленно входит в город!
Мы бредем среди сновидений –
То ли странники, то ли воры.

Утром небо – цвета бесцветья,
Утром так хороши качели!
Собирай фонарей соцветья
И забудь о какой-то цели...

Отразился восход в закате.
Части неба одна в другую
Заглянули... Но их мне хватает –
Я тобою сейчас люблюсь.

Позже будет на нас в «семерке»
Солнце щуриться в линзы окон...
И такой шоколадно-горький
На щеке прикорнувший локон!

Это – после. А нынче – чудо!
Утро – вместе. Рассвет пропущен
Через душу. Я не забуду
Взгляда цвета кофейной гущи.

* * *

Я сегодня ромашку сорву
И оставлю ее под ногами.
Я иду по бумажному шву.
Мой Саянск – это лист оригами.
Сочетание улиц и стен,
Перекрестки, деревья и лица...
Верил я – стоит мне захотеть,
И все сможет компактно сложиться.

Пусть уже он немного помят –
Этот листик повсюду со мною.
Не сумел я его променять
На рулоны иркутских обоев.

В грустный час я, бывает, тайком
Оригами с любовью расправлю...
Пусть летит в те места, где мой дом,
Разноцветный бумажный журавлик!

* * *

Я пишу не стихи, а этюды.
Мне сегодня с утра показалось –
Звуки льются в меня отовсюду,
Ну а я выбираю тональность...
Упражнения в метрике, рифме,
Соблюденье размеров построчно,
Сам себя назначаю тарифы:
«Гениально» и «как-то не очень».
Я пишу об испанской Гренаде
И дозирую градус гипербол,
Подражая басам канонады,
Под которой ни разу не был.
По традициям старой Европы –
Многотомье немецких поэтов,
Заменяет мне жизненный опыт
Антологий чужих виногретом.

Я пишу не стихи, а этюды,
Но ведь дело не только в таланте –
Я в Мадриде не жил, как Неруда,
Не любил безнадежно, как Данте.
Не стрелялся, как Пушкин, как Лорка,
Не позировал сюрреалистам,
Не плевался в окопах от хлорки
И не жил с театральной актриской,
Не ослеп, по примеру Гомера,
Не был в рабстве, подобно Эзопу:
Двадцать лет прожил тихо и в меру,
Нажил в меру я чувственный опыт.

Ну, а все же... А все же... Неужто
Для того, чтобы зваться поэтом,
Жизнь прожить необычную нужно?
Ну, там, плюнуть в лицо Пиночету?
Драться с жутким врагом в рукопашной,
От слона оторвать его бивень?
Слушать, слышать? Да. Все это важно!
Но поэзии мир – субъективен,
Создан сердцем и выражен словом,
Из себя по кирпичику сложен.
Значит, Африке Льва Гумилева
Равен маленький город таежный.
И с Петраркой воспетой Лаурой
Вровень встала нахально студентка,
В чью улыбку я втюхался сдуру,
А потом года два лез на стенку.
Пережит, перемучен, отточен
Каждый слог в каждой строчке сонета...
А иначе сонет – это очерк
Из вчерашней измятой газеты.
С разной силою и амплитудой
Меня Муза толкала под ребра.
Я стихи сочинял. Не этюды.
Пусть и были они разной пробы.

НИНА РОЗОВА

Родилась в селе Пологое Займище Астраханской области.

В 1962 году семья переехала в город Зиму Иркутской области. Окончила факультет русского языка и литературы Иркутского пединститута.

Печаталась в газетах «Саянские зори», «Аргументы и факты», «Новые горизонты». Автор книги «Девушка и капитан».

Древнерусские имена

Хоть имён не много сохранилось,
Им прошедшие столетья не помеха.
Святослав, Владимир и Людмила –
Древних русичей серебряное эхо.

А князьям Всеславу, Ярославу,
Доблестный им путь определен.
В славе быть – особенность такая
Древнерусских княжеских имен.

А в простом народе бытовали
Отраженьем жизненных примет,
Мудростью, накопленной годами,
Остромир, Вышата, Пересвет.

Что судьбой назначено измлада,
Отзовётся в будущих годах
Нежностью Истома и Услады
В древнерусских женских именах.

Синь очей Забавы и Любавы,
Мирославы княжеская стать
В обликах живущих россиянок
Чьё-то сердце станут волновать.

Прозвенят под гусли-серебрянки
В самобытных русских именах
Тихий смех прекрасной поселянки,
Молодецкой удали размах.

Возвратились из ушедшей дали
Ратибор, Добрыня, Светозар,
Чтоб в грядущем мы не растеряли
Наших предков самобытный дар.

Но ушли в забытое былое
Большинство имен неповторимых,
Лишь оставшись в летописных сводах,
В древнерусской речи переливах.

О детстве в Астраханской области

Разметали ветры-суховеи
Времени улёгшуюся пыль,
Чтоб когда-то вызвать из забвенья
То ли сказку детства, то ли быль.

Юга расточительное солнце
Брызжет щедростью и света, и тепла,
Кистью живописца-чудотворца
Тронув гладь цветущего холста.

Тонет степь в алеющих тюльпанах
Под апрельским небом голубым,
Словно детство бродит где-то рядом,
Приминая терпкую полынь.

Вот уже крадется вечер мглистый,
Наполняя сумерками дом,
Греет душу аромат душистый
Двух акаций белых под окном.

Только в детстве теплые дожди
Льются вниз потоком озорным,
Но как прежде им не заманить
Босиком по лужам дождевым.

Душа и слово

Надежде Антипкиной

Поэзии изысканные строки
В полете вдохновенья рвутся ввысь,
Вибрируют воздушные потоки,
Где Слово и Душа переплелись

Где с тайною рождения стихов
Соперничает тайна мироздания,
Где неразгаданность галактик и миров
В загадке твоего очарованья.

И лирика в объятиях мелодий
Тревожит, и волнует, и томит.
Проложен путь, незыблемый и долгий,
Создателем начертанных орбит.

Жарки

Вся в оранжевом поляна...
Полыхнуло, словно пламя,

Словно огненные капли
Раскаленных звёзд Вселенной,
Приземлившись, разгорелись
В малахитовой траве!

Может, это дар лучистый
Пролетевшей здесь жар-птицы,
Уронившей чудо-перья
В изумрудную траву?

Эту огненность от солнца,
Этот жар от оперенья
Захватил в свое владенье
Пламенеющий цветок –
Яркий солнечный жарок.

Мое первое свидание с Саянском

Город в тайге... Она подбирается к нему со всех сторон, опоясывает темно-зеленым кольцом и сжимает в своих довольно тесных объятьях, придавая городу собранность и компактность и в то же время даря ощущение свободы, простора, приволья. Хвойные острова соснового бора, предумышленно оставленные строителями по задумке проектировщиков, особенное, ни с чем не сравнимое украшение. И не только украшение. «Берегите леса – легкие городов», – призывали плакаты. Как необходимы горожанам эти вечно-зеленые оазисы, дышащие смолистым ароматом и дарящие красоту. А зимой, когда вся эта красота обряжена в молочную кисею инея и щедро осыпана снегом, – это поистине завораживающее зрелище.

И поэтому мое первое свидание с Саянском морозным январским днем более 20 с лишним лет назад началось с восхищения. Я приехала на автобусе из Зимы, где снежный покров был загрязнен черными крупинками гари от множества дымящих кочегарок и печного отопления частного сектора, где в безветренный день висел над домами серой пеленой не рассеявшийся дым.

А здесь, в Саянске, передо мной раскинулись роскошные владения Снежной королевы: первозданная природа, утопающая в снегах, ослепительная белизна которых искрилась, переливалась, слепила глаза. Как в сказке выглядел заснежен-

ный лес, погруженный в пышные волнистые сугробы, словно чьи-то заботливые руки бросили к его подножью пуховое одеяло, а ветви укрыли пушистыми белоснежными накидками. Струящимся хрустальным воздухом невозможно было надыхаться. До чего изобретательна «чародейка-зима», как затейливо она разукрасила молодую поросль! Вот у дороги сбились в стайку молодые сосенки в сверкающих серебристых пелеринках, словно пришедшие на снежный бал юные принцессы. Как изящно они вытянули свои веточки с ажурной снежной бахромой, будто хвастаясь своим искусным рядом.

Сквозь это удивительное сосновое братство проглядывали жилые многоэтажки, во дворах которых высились вековые сосны. Строгие и величественные, облаченные густым снегопадом в белые одежды, они стояли, как царственные особы на великосветском приеме в Зимнем дворце её величества Природы.

Возможность созерцать эти дивные картины в нашем городе зимушка-зима дарит каждый год. Вот и этот январь нарядил деревья в королевские горностаевые мантии.

Как все это напоминает декорации «Берендеева царства» к прологу сказки «Снегурочка» А.Н. Островского, написанных великими художниками В. Васнецовым, И. Левитаном, К. Коровиным.

Возможно, кистью можно более точно передать колдовство затейницы-зимы. А я попыталась сделать это в стихах:

Зимняя сказка Саянска

Заснежены просторы, как в царстве Берендея –
Пуховые перины для сказочных принцесс.
Зима, мороз, метелица – лихие чародеи
Волшебным заклинаньем околдовали лес.

И он стоит, укутан в старинные поверья
о леших и русалках, о разных чудесах.
Мерцаньем самоцветов искрятся на деревьях
мохнатые накидки седого января.

Вот протянули ели игольчатые лапы
В сверкающих на солнце парчовых рукавах.
На них морозом выткан узор замысловатый,
Как в тонких вологодских плетеных кружевах.

Сосновый бор погружен в ночные сновиденья,
Сказаниям метельным не видится конца.
А на стволах корявых янтарным ожерельем
Местами проступает замерзшая смола.

И в этой зимней сказке своё очарованье,
И в тишине чуть слышно звенит застывший лес.
А царственная роскошь лесного одеянья
Снежинками слетает с божественных небес.

СВЕТЛАНА ФРЕЛИНА

Родилась в 1950 году в Волгограде. В Саянск приехала, когда химзавод еще только строился. Работала в «Оргхиме», прошла трудовой путь от оператора пятого разряда до инженера-технолога.

В литературу города вошла, когда вышла на заслуженный отдых. Она – автор многих стихов, пародий, эпиграмм. Печаталась в альманахе «Ковчег», в периодических изданиях города Саянска.

Скончалась 13 июля 2009 года.

Ветка тополя

Промёрзший прутик принесли,
В кувшин поставили хрустальный,
Тоскуя о листве земли,
О запахе её печальном.

Оттаял он. Очнулся он.
Испил предложенной водицы
И поспешил отбросить сон,
Чтоб в новый облик воплотиться.

Сперва проклюнулся листок,
Взглянул свежо и осторожно.
А вот уж – первый корешок
Протянут щупальцем тревожным...

Листва росла, дразня февраль,
В тепле не чувствовала плена.
А корни бились о хрусталь,
Как будто головой о стену!..

* * *

Начните с чистого листа
Прикосновеньем акварели!
...И проступают
Люди,
Звери...
И отступает
Пустота.
Начните с чистого листа!

Возьмите кисть
или перо.

Коснитесь струн
надмирной лиры.
Доверьтесь
голосам Олирны:
«Познавши Зло, –
твори Добро!»

Возьмите кисть или перо!
Начните с чистого листа.
...Недопроявленные дали...
... Чуть слышный шёпот стихий...
Вам кажется – Душа пуста?
Начните с чистого листа!

* * *

Перезрело шуршат колосьями
Злаки дикие на пути...
Друг мой давний! По многим осеням
Так вот, об руку, нам идти!

Бабье лето горит над плесами.
Наших будничных дней холсты
Расписало мазками броскими,
Мы с ним нынче во всем на ты!

Ведь немало было наворачено
В неухоженной нашей судьбе,
Чтобы стали друг к другу доверчивей,
Чтобы сделались строже к себе.

Подари мне свое дыхание,
Испытующий взмах ресниц,
И к душе моей неприкаянной
Поздней радостью прикоснись.

Листопад

Гортанный шепот...
    Растрепа-Осень
                        опять ворожит.

Итак, я знаю,
    сезон минувший
                        не праздно прожит:

Сама платила
    за все удачи
                        и – неудачи!

Что ж дальше будет?
    Что – оплачу я,
                        а что – оплачу?

Кого утешу?
    Кто помешает?
                        А кто поможет?

...Гортанный шепот...
    Растрепа-Осень
                        вовсю ворожит!

Все мечет карты
    из поределой
                        своей колоды

На три дороги...
    На перекрестки...
                        На повороты...

* * *

Чаёк из чаги, с травами,
Костёр – от мошкары...
С проблемами отравными
Расстались до поры.

Тихонько речка плещется,
Ночная жизнь кругом!
И чудится-мерещится,
Что обретён свой Дом:

Костра живой заставою
Очерченный мирок...
Молчать, в огонь уставившись,
С собаками у ног.

Пить воздух холодающий
Да леса голоса
С рукою, отдыхающей
На голове у пса...

* * *

Приснитесь мне, кони!
                                Дитя городское,
Во сне я
                                табун погоню к водопою
По сизой полыни,
                                по склонам покатым...
Дончак подо мною
                                всхрапнёт зверовато,
Всхрапнёт,
                                заиграет чуткою кожей ...

Приснитесь мне, кони!
                                Приснитесь мне, кони!
Приснитесь вы мне
                                после смены –
  усталой –
Мне с самого детства
                                вас так не хватало!

... А мне, горожанке, –
всё чудятся
кони...

Импровизация

Как будто сшибая росы,
А может, скликая бури,
Мальчик желтоволосый
Колдует над клавиатурой.

На ощупь в теченьях звёздных
Упрямому пробираться,
Срывая созвучий гроздь,
И пригоршнями – в пространство!

Сплетая каприза шалость,
И нервы – в извивах муки ...
Одна реальность осталась
Непредсказуемых звуков!

Растущая тень Скитальца!
И где ей предел и мера?
...Только кончики пальцев
Вновь холодеют нервно...

* * *

Вновь перелетная пора над лесом
И над полями...
Откроют клики звенящей бездной,
Зовущей ранью,
Разбередивши слепую память
Души крылатой...

В отыскании Основы –
Не остановись!
(Описать бессильно Слово,
так доскажет Кисть!)

...Захлестнёт...

Но не потонешь:

Держит на плаву
Гейзером самоироний
Грешную главу!

Оживи, Художник, глину,
Пробуди от сна,
Перемостья перекинув
Через времена...

...Не по морю, не по суше
Я уже иду
Отогреть живую душу
Во зелёном льду.

Содержание

«Литературная среда» Саянска	5
Игорь Аброскин	9
Надежда Антипкина	22
Галина Балдакова (Тихая)	35
Сергей Баянов	46
Юлия Бутакова	58
Александр Галыга	65
Валентина Егорова	77
Надежда Ёлкина	80
Александр Кашицын	88
Вадим Кикирев	100
Олег Кузнецов	112
Александр Курмель	122
Константин Максимов	131
Александр Маркелов	139
Анатолий Нестеров	149
Андрей Путинцев	156
Нина Розова	162
Светлана Фрелина	169

Литературные
Россыпи

Литературно-художественный
альманах

Бумага офсетная. Печать RISO
Форм. бум. 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,5
Тираж 00 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО Оперативная типография “На Чехова”
Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
E-mail: info@baikalprint.ru www.baikalprint.ru